ПОДПИСЬ

ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

Скопирована съ резолюціи (Accordé, 19 Mai 1810, Napoléon), на Рапортѣ Военнаго Министра, 19-го Мая 1810 г.

НАПОЛЕОНЪ

БОНАПАРТЕ.

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ.

Пушкинъ.

—

ЧАСТЬ II.

—

С. Петербургъ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 9-го Марта 1848 года.

Цензоръ: *А. Фрейгангъ.*

Въ типографіи Н. ФИШОНА.

VI.

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ МОГУЩЕСТВА НАПОЛЕОНА. — УНИЧТОЖЕНІЕ СВѢТСКАГО ВЛАДѢНІЯ ПАПЫ. — ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГОЛЛАНДІИ КЪ ФРАНЦІИ. — ЗАНЯТІЕ ОЛЬДЕНБУРГА И ПОМЕРАНІИ. ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ СЪ РОССІЕЮ. — НАПОЛЕОНЪ ВЪ ДРЕЗДЕНѢ. — ПЕРЕПРАВА ФРАНЦУЗОВЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ. — ОТСТУПЛЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ. — СМОЛЕНСКЪ. — БОРОДИНСКАЯ БИТВА. — НАПОЛЕОНЪ ВЪ МОСКВѢ. — ОНЪ ПРЕДЛАГАЕТЪ МИРЪ. — ТАРУТИНСКІЙ ЛАГЕРЬ — ВЫСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ МОСКВЫ. — БОЙ ПОДЪ МАЛОЯРОСЛАВЦЕМЪ. — БѢДСТВІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ. — ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ. — БѢГСТВО НАПОЛЕОНА. — ПРІѢЗДЪ ЕГО ВЪ ВАРШАВУ И РАЗГОВОРЪ СЪ ПРАДТОМЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПАРИЖЪ.

Брачный союзъ Наполеона съ принцессою изъ древнѣйшаго царственнаго дома примирилъ, казалось, Францію съ ея противниками. Нашлись государ-

ственные ораторы и писатели, которые прославляли достопамятный союзъ, какъ залогъ всеобщаго мира, какъ начало золотаго вѣка.

Но, послѣ того, что счастіе сдѣлало все для своего неблагодарнаго любимца, послѣ достиженія простымъ офицеромъ такого могущества и такой славы, какія не доставались въ удѣлъ ни одному смертному, онъ самъ добровольно сокрушилъ ненасытимымъ властолюбіемъ исполинское зданіе своего величія!

Еще въ продолженіе Австрійской войны уничтожилъ Наполеонъ самымъ насильственнымъ образомъ свѣтскую власть Папы. Французскія войска, подъ начальствомъ Міоллиса, заняли Римъ (2-го Февр. 1808); вскорѣ послѣдовало опредѣленіе, что «Урбино, Анкона, Мачерата и Камерино присоединяются къ Италійскому Королевству, потому что выгоды Великой Имперіи требуютъ непосредственной связи между Неаполемъ и

Верхнею Италіей, и что даръ Карла Великаго (*) «предка Наполеонова», былъ сдѣланъ для пользы Христіанства, а не враговъ его. Наконецъ, въ Шенбрунѣ, за четыре дня до сраженія при Асспернѣ (17-го Мая 1809 года), подписанъ былъ Императорскій декретъ, которымъ вся остальная Церковная Область включалась въ составъ Франціи. Римъ долженствовалъ быть второю столицею Имперіи. Папѣ предоставлялось приличное содержаніе, и онъ, какъ глава Церкви, могъ выбрать своею резиденціею Парижъ или Римъ. Престарѣлый Пій не только рѣшительно отвергъ всякую сдѣлку, но еще обнародовалъ противъ Наполеона отлучительную буллу. Хотя могущественный Императоръ

(*) Папы владѣютъ Церковною Областью, въ самомъ дѣлѣ, по дару Карла Великаго; до того времени, они завѣдывали только духовною властью.

*

Французовъ мало заботился о проклятіи, однако жъ далъ почувствовать безстрашному старцу свою месть: насильственно, самымъ варварскимъ образомъ былъ исторгнутъ Пій изъ Квиринальскаго Дворца, и отвезенъ въ Гренобль. Отсюда онъ и небольшая свита его были отправлены, съ конвоемъ жандармовъ, въ Савону; тамъ Пій прожилъ три года.

За низложеніемъ Римскаго Первосвященника послѣдовали другія насилія, все подъ видомъ развитія и утвержденія континентальной системы. Лудовикъ, Король Голландскій, за покровительство торговли съ Англіею, навлекъ на себя гнѣвъ могущественнаго брата, и когда Французскія войска приблизились къ его столицѣ, онъ сложилъ съ себя корону въ пользу своего старшаго сына. Наполеонъ тотчасъ послѣ этого провозгласилъ о присоединеніи Голландіи къ Франціи

Не смотря на неоднократныя, торжественныя объявленія, что границы Франціи никогда не перейдутъ за Рейнъ, Наполеонъ вдругъ утвердился на берегахъ Нѣмецкаго Моря, сказавъ, что неполная континентальная блокада глупость, и на этомъ основаніи овладѣлъ устьями Эмса, Везера и Эльбы. Въ этомъ пространствѣ заключались и старинные Ганзейскіе города, Бременъ, Гамбургъ, Любекъ. Наконецъ, стремясь къ господству надъ всѣми береговыми землями отъ Моря Средиземнаго до Балтійскаго, онъ, безъ всякаго предлога, занялъ Ольденбургъ, владѣніе супруга Великой Княгини Екатерины Павловны.

Безмолвно внимала югозападная Европа всѣмъ извѣстіямъ о неслыханно-произвольныхъ поступкахъ повелителя Французовъ, о попраніи имъ всѣхъ народныхъ правъ. Никто не дерзалъ ему противиться; только Англія продолжала

войну на морѣ и на Пиренейскомъ Полуостровѣ; но общія надежды основывались на Россіи, единственной державѣ, несокрушимой и неприкосновенной.

Императоръ Александръ дотолѣ соблюдалъ молчаніе, и готовился къ борьбѣ, которую давно считалъ неизбѣжною. Наконецъ невыносимое самовластіе Наполеона заставило его обратиться къ Тюлеріійскому Двору съ сильнымъ протестомъ, особенно противъ занятія Французскими войсками Ольденбурга и Помераніи, и требовать очищенія ихъ. Въ тогдашнее время, подобное требованіе значило то же, что объявленіе войны. Не смотря на Испанскую войну, Наполеонъ не переставалъ между тѣмъ, въ продолженіе слишкомъ года, направлять войска къ Вислѣ, и перевозить туда запасы. Полагаютъ, что чрезвычайныя издержки на эти приготовленія простирались до ста миллюновъ франковъ, взятыхъ изъ собствен-

ной казны Наполеона, которая, независимо отъ суммъ государственныхъ, состояла изъ трехъ сотъ милліоновъ, хранившихся въ подвалахъ Тюлієрійскаго Дворца. Это была копѣйка на черный день, или, какъ выражался Фридрихъ Великій, мечъ въ ножнахъ, откуда, въ случаѣ надобности, его тотчасъ можно было бы вынуть. Въ послѣдствіи такъ дѣйствительно и случилось.

Подъ предлогомъ смотра арміи на берегахъ Вислы, Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 9-го Мая 1812 года, съ Императрицею и многочисленною свитою. Дрезденъ назначилъ онъ сборнымъ мѣстомъ многимъ Королямъ и владѣтельнымъ особамъ, своимъ союзникамъ и данникамъ. Здѣсь явился передъ ними тотъ горделивый властелинъ, который, въ полномъ блескѣ своего могущества, уже стоялъ близко отъ своего паденія! Онъ занималъ главные апартаменты Дрезденскаго Дворца, каждый

день давалъ большіе обѣды, и, кромѣ Воскресенья, когда у Саксонскаго Короля бывалъ балъ, знаменитые гости собирались по приглашенію оберъ-гофмаршала Дюрока. Императоръ и Императрица Австрійскіе, равно и Король Прусскій, были въ числѣ гостей. Такъ прошло около мѣсяца. Хотя этотъ образъ жизни льстилъ гордости и тщеславію Наполеона, но въ то же время онъ утомлялъ его, потому что не о веселостяхъ помышлялъ тогда могущественный властелинъ Франціи. Вотъ что говорилъ онъ духовнику своему, Аббату Прадту: «Иду бить Русскихъ; свѣча догораетъ. Въ исходѣ Сентября надобно все кончить; можетъ быть, время уже потеряно. Мнѣ здѣсь скучно.... Пойду въ Москву; одно или два сраженія рѣшатъ дѣло. Сожгу Тулу, и вотъ Россія обезоружена; меня ждутъ тамъ.... Москва—сердце Имперіи; притомъ я буду вести войну Польскою кровью. Я

оставлю въ Польшѣ пятьдесятъ тысячъ Французовъ; изъ Данцига сдѣлаю другой Гибралтаръ; буду давать Полякамъ ежегодно по пятидесяти милліоновъ вспоможенія; у нихъ нѣтъ денегъ, а я богатъ.... Безъ Россіи, континентальная система вздоръ.... Испанія мнѣ стоитъ дорого; безъ нея я господствовалъ бы надъ Европою. Когда все будетъ кончено, сыну моему останется только поддерживать; на это не много нужно ума....»

Не должно удивляться этому хвастливому и дерзкому тону: надобно вспомнить, что Наполеонъ имѣлъ тогда подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ слишкомъ шестьсотъ тысячъ человѣкъ лучшихъ войскъ, исполненныхъ самоотверженія и ревности, превосходно снабженныхъ съѣстными припасами и боевыми снарядами. Наполеонъ былъ упоенъ до безумія.

И какой дальновидный могъ предпо-

лагать, что онъ погубитъ, въ самое короткое время, столь грозныя силы? Привыкнувъ, во время войнъ въ Италіи и въ Германіи, покорять быстро страны плодоносныя и населенныя, онъ не понялъ тѣхъ затрудненій, тѣхъ препятствій, которыя встрѣтитъ въ неизмѣримой Россіи, на огромныхъ пространствахъ, отдѣляющихъ города и села; въ особенности, онъ не могъ вообразить себѣ великой рѣшимости Русскаго Царя и непоколебимой твердости Русскаго народа, не могъ вообразить, чтобы Царь и народъ рѣшились принести въ жертву все, чтобы наказать, истребить пришельцевъ. Какъ ни хотѣлось Наполеону покончить дѣло одною генеральною битвою, и быстро проникнуть въ сердце Россіи, но онъ еще льстилъ себя надеждою, что Императоръ Александръ согласится на выгодный для него миръ. Нарбоннъ, посланный съ мирными условіями, скоро

возвратился съ отрицательнымъ отвѣтомъ: однажды принятое Царемъ Русскимъ намѣреніе было непоколебимо.

И такъ, 29-го Мая (н. ст.) 1812 г. Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена, и черезъ недѣлю былъ уже на берегахъ Нѣмана, въ главѣ своихъ полчищъ, переправлявшихся черезъ рѣку по тремъ наведеннымъ мостамъ. Переправа черезъ Вилію представляла болѣе затрудненій. Русскіе сняли мостъ, а наведенный вмѣсто его былъ унесенъ внезапною прибылью воды. Наполеонъ не хотѣлъ, подобно Ксерксу, наказывать рѣку, но приказалъ кавалеріи переправиться черезъ нее вплавь, и одинъ Польскій уланскій полкъ бросился съ берега въ его присутствіи. Стремленіе воды было такъ быстро, что большая часть Поляковъ не достигла противоположнаго берега; многіе потонули на глазахъ Наполеона, и, исчезая въ волнахъ, возглашали: «да здравствуетъ Императоръ!»

То было morituri te salutant Римскихъ гладіаторовъ; Наполеонъ выслушалъ его спокойно и гордо, какъ выслушали бы Калигула и Домиціанъ. Послѣ убыли воды, Французскія войска разсыпались по Литвѣ, и вскорѣ заняли все пространство отъ предѣловъ Волыни до береговъ Балтики.

Наполеонъ хотѣлъ прежде всего прорвать центръ Русской арміи, и потомъ итти на Москву. Съ этою цѣлью онъ поспѣшилъ сообщить своимъ колоннамъ ихъ обычную быстроту; но обозы не могли поспѣвать за арміей, и вотъ первая причина послѣдующихъ бѣдствій. Недостатокъ припасовъ произвелъ мародерство; Французскіе солдаты скитались далеко отъ арміи, нестройными шайками, предаваясь самымъ гнуснымъ неистовствамъ. Многіе изъ нихъ не возвратились къ своимъ отрядамъ: одни погибли отъ голода и утомленія, другіе пали подъ ударами раздраженныхъ жи-

телей, которые, покинувъ жилища, скрывались въ лѣсахъ. Уже треть колоннъ отстала такимъ образомъ отъ арміи, и Герцогъ Тревизскій, командовавшій аріергардомъ, донесъ Наполеону, что повсюду встрѣчаетъ только слѣды разрушенія и опустошенія.... Самъ Наполеонъ давно это видѣлъ. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ получалъ онъ тревожныя извѣстія: въ Испаніи Лордъ Веллингтонъ разбилъ Французовъ при Сіудадъ-Родриго и Бадахосъ; въ Швеціи, Бернадотъ отвергъ всѣ предложенія Франціи, а Турки, заключивъ Бухарестскій миръ, дали Императору Александру возможность располагать новою арміею; она должна была угрожать правому крылу Французовъ.

Въ Вильнѣ, Наполеонъ принималъ депутатовъ Варшавскаго Сейма, пришедшихъ просить о возстановленіи Польши. Они заключили рѣчь слѣдующимъ восклицаніемъ: «Пусть Наполеонъ Ве-

ликій скажетъ: Польша существуетъ, и она будетъ существовать!...» Но Наполеонъ отвѣчалъ на ихъ привѣтствіе уклончиво. «Если ваши усилія единодушны, сказалъ онъ, то вы можете надѣяться побудить вашихъ непріятелей къ признанію вашихъ правъ.... Я долженъ, впрочемъ, прибавить, что поручился Австрійскому Императору за цѣлость его владѣній.» Между тѣмъ Русская армія продолжала отступать, и покинула Дрисскій лагерь. Посыланный Императоромъ Александромъ въ Вильну Генералъ-Адъютантъ Балашовъ привозилъ послѣднія мирныя условія: Государь требовалъ, чтобы Французы удалились за Нѣманъ, и тогда рѣшался вступить въ переговоры. Осторожный Бертіе, даже пылкій Мюратъ совѣтовали остановиться и начать переговоры; Наполеонъ сначала какъ будто согласился съ ихъ доводами, и самъ сказалъ, что «завоеваніе Россіи можетъ быть окончено толь-

ко въ двѣ кампаніи.» По словамъ нѣкоторыхъ писателей, онъ думалъ, что мирные переговоры были только предлогомъ для выигрыша времени, чтобы дать Князю Багратіону возможность соединиться съ Барклаемъ де Толли. Въ послѣдствіи, на островѣ Св. Елены, Наполеонъ сознавался, что не обдумалъ разницы веденія войны въ богатыхъ и населенныхъ странахъ Германіи и Италіи, и въ необозримыхъ пространствахъ Россіи. Въ Вильнѣ, онъ еще почиталъ себя въ присутствіи Австрійцевъ или Пруссаковъ, и думалъ, какъ въ 1806 и 1809 гг., все кончить одною битвою или вступленіемъ въ столицу. Одно слово «Москва!» заставляло трепетать его, а до Москвы могла довести его, какъ онъ думалъ, одна побѣда.

Въ такихъ мечтахъ продолжалъ онъ углубляться въ безпредѣльную Имперію, которую такъ мало зналъ, и завоеваніе которой казалось ему столь легкимъ

Проживъ въ Вильнѣ семнадцать дней, онъ выѣхалъ оттуда 16-го Іюля 1812 г., и направилъ свои колонны между Двиною и Днѣпромъ, надѣясь атаковать фланговымъ движеніемъ Барклая де Толли, который, по выступленіи изъ Витебска, шелъ на Оршу, чтобы соединиться съ Княземъ Багратіономъ. Но это движеніе уже было кончено, и Русскія арміи соединились подъ Смоленскомъ. Всѣ разсчеты Наполеона рушились. Войска его были истомлены голодомъ и усталостью; ни одинъ обозъ съ припасами не слѣдовалъ за ними; раздача хлѣба прекратилась; солдаты уже не могли выдерживать тѣхъ длинныхъ переходовъ, которыхъ требовалъ ихъ повелитель. Замѣтили, что и самъ онъ, имѣвшій тогда не болѣе сорока трехъ лѣтъ отъ роду, уже не отличался прежнею дѣятельностью; онъ ѣхалъ въ каретѣ, въ которой могъ обѣдать, читать, спать, никогда не останавливаясь. Его сопро-

вождали адъютанты и прикрывалъ кавалерійскій конвой; перемѣны лошадей были приготовлены на всѣхъ дорогахъ; наконецъ, за его каретой слѣдовало множество лошаковъ и фургоновъ, нагруженныхъ всѣми удобствами жизни. Между тѣмъ какъ армія голодала и всюду встрѣчала лишь разрушеніе, предводитель ея имѣлъ тѣ же вина, тѣ же блюда, ту же постель, какія и въ Тюліерійскомъ Дворцѣ. Въ обозѣ его находилось даже нѣсколько книгъ. Желая, въ послѣднія кампаніи, возить съ собою карманную библіотеку, онъ заказалъ Барбіе новыя изданія, въ 12-ю долю листа, главнѣйшихъ авторовъ, особенно историковъ; но событія совершились такъ быстро, и Наполеону предстояло столько важныхъ дѣлъ, что это предпріятіе не осуществилось. На лошадь садился онъ только въ дни сраженій и для производства рекогносцировокъ. Понятно, что, безъ такихъ предосторожностей, онъ

не могъ бы успѣвать въ одно и то же время составлять диспозиціи къ бою, разсылать приказанія во Францію, въ Испанію, въ Германію, въ Италію, переписываться съ королями, министрами и генералами.

Всѣ эти причины, равно какъ и нужды арміи, замедляли ея движеніе. Проживъ три недѣли въ Вильнѣ, Наполеонъ былъ принужденъ остаться въ Витебскѣ еще тринадцать дней. Всѣ жители этого города покинули домы, и послѣдовали за Русскими войсками. То былъ первый признакъ великой рѣшимости Русскаго народа. Въ Смоленскѣ Наполеонъ окончательно убѣдился въ твердомъ намѣреніи Русскихъ — ничего не оставлять непріятелю. Инженерный генералъ Шаслу (Chasseloup) предлагалъ ему укрѣпить эту превосходную позицію, устроить укрѣпленный лагерь, чтобы найти въ немъ убѣжище, въ случаѣ отступленія. «Такъ вы хотите пригото-

вить мнѣ новую Александрію?» возразилъ Наполеонъ. Французы заняли Смоленскъ послѣ самыхъ убійственныхъ приступовъ, сражаясь въ одно время съ арміями Багратіона и Барклая де Толли, которыя Наполеонъ хотѣлъ завлечь въ рѣшительную битву. Русскіе полководцы уклонились отъ нея искусно соглашеннымъ отступленіемъ.

Наконецъ Французы явились на поляхъ Бородинскихъ: 26-го Августа ст. ст. дана тамъ кровопролитнѣйшая битва, какихъ не много находимъ въ Исторіи. Наполеонъ давно желалъ ея; самъ сочинилъ наканунѣ приказъ, въ которомъ ободрялъ свои войска напоминаніями объ Аустерлицѣ и Фридландѣ, сулилъ безсмертіе тѣмъ, которые будутъ участвовать въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы; но въ ту минуту, когда надлежало приступить къ дѣлу, въ немъ обнаружилась непостижимая нерѣшительность. Причиною колебанія од-

ни полагали его болѣзненное состояніе, другіе безпокойство или раздражительность, какъ слѣдствіе претерпѣнныхъ неудачъ и угрожавшихъ ему опасностей. Вѣрно то, что подъ Бородинымъ Наполеонъ не показалъ ни той энергіи, ни той дальновидности, которыми онъ отличался нѣкогда во многихъ менѣе важныхъ обстоятельствахъ. Только одинъ разъ являлся онъ на полѣ битвы, и почти весь день пробылъ за центромъ арміи, куда его генералы безпрестанно пріѣзжали за приказаніями и за подкрѣпленіями. Подкрѣпленій онъ не давалъ, и отказомъ своимъ такъ взволновалъ Нея, что тотъ насказалъ ему много оскорбительнаго. Когда Русская армія оставила поле страшнаго побоища, Наполеонъ счелъ себя побѣдителемъ; но, подобно Пирру, онъ могъ сказать: «Еще одна такая побѣда, и мы погибли!» Онъ лишился убитыми и ранеными 43-хъ генераловъ и тридцати тысячъ солдатъ.

Дорога въ Москву была открыта. Не зная куда отступила Русская армія, занявшая между тѣмъ позицію на правомъ флангѣ и почти въ тылу Французскихъ войскъ, Наполеонъ, мучимый недоумѣніемъ, ждалъ цѣлую недѣлю депутатовъ съ ключами Москвы, надѣялся даже, что Императоръ Александръ предложитъ ему миръ. Ничего этого не было. Остановясь у Драгомиловской Заставы, онъ послалъ наконецъ Государственнаго Секретаря Дарю въ Москву, съ тѣмъ, чтобы привести бояръ. Но бояре не являлись.... И какъ изумился властелинъ Французовъ, когда, вступивъ въ совершенно опустѣлую Москву, не нашелъ въ ней даже никакихъ запасовъ, столь ему нужныхъ!

Первую ночь въ стѣнахъ Москвы провелъ Наполеонъ въ Драгомиловской ямской слободѣ, въ обывательскомъ домѣ; потомъ переѣхалъ въ Кремлевскій Дворецъ, но не надолго. Еще въ тотъ же

день начались въ городѣ зловѣщіе пожары: запылали гостиный дворъ и каретный рядъ, и около полуночи всѣ окрестности Кремля горѣли. Смотря съ балкона на страшное зрѣлище, Наполеонъ воскликнулъ: «Какая необыкновенная рѣшимость! Какіе люди! Это Скиѳы!» и на другой день принужденъ былъ переѣхать въ Петровскій Дворецъ. Здѣсь только вполнѣ убѣдился онъ въ опасностяхъ безразсуднаго предпріятія. Всѣ окружающіе уговаривали его немедленно оставить Москву, въ которой нельзя было прожить болѣе мѣсяца. Только коммиссаръ Дарю подалъ мнѣніе, что, убивъ половину лошадей и посоливъ ихъ мясо, и продолжая мародерство въ окрестностяхъ, можно было бы продержаться въ Москвѣ зиму. Но тогда надлежало бы на цѣлые полгода отказаться отъ всякаго сообщенія съ Франціею, со всѣмъ Западомъ, а въ теченіе этого времени и Франція, и Германія, и весь

Западъ не стали бы терпѣть несноснаго ига. Одна эта мысль господствовала надъ всѣми планами Наполеона. Онъ окончательно рѣшился на отступленіе уже тогда, когда Лористонъ, ѣздившій къ Князю Кутузову въ Тарутинскій лагерь съ мирными предложеніями, возвратился съ отвѣтомъ, что Государь Императоръ запретилъ даже произносить слова: «миръ и перемиріе», и когда посланный въ Петербургъ фельдъегерь привезъ непремѣнную волю Русскаго Царя продолжать войну, «чтобы отмстить за оскорбленное отечество.»

6—18-го Окт., послѣ тридцати-пяти-дневнаго колебанія, Наполеонъ отдалъ рѣшительный приказъ къ отступленію; онъ до такой степени былъ увѣренъ, что совершитъ его спокойно до Польши, что у него не будетъ недостатка ни въ съѣстныхъ припасахъ, ни въ военныхъ снарядахъ, ни въ перевозныхъ средствахъ, что не хотѣлъ оставить въ Мо-

сквѣ ни одного орудія, ни одного заряднаго ящика, хотя пушекъ было у него вчетверо больше, нежели сколько требовала армія, даже въ томъ чрезвычайномъ размѣрѣ, который она получила съ нѣкотораго времени. Казалось, будто умственныя способности Наполеона ослабѣвали вмѣстѣ съ его могуществомъ. Идя наперекоръ судьбѣ, онъ объявилъ всему міру, что воротится въ Москву, когда сдѣлаетъ набѣгъ на Калугу и разобьетъ Кутузова.... Но въ то же время онъ готовился къ возвращенію во Францію, и чтобы придать всему видъ торжественности, приказалъ укладывать, какъ трофеи, многіе предметы древности, искусства и роскоши, пощаженные огнемъ. Онъ велѣлъ даже снять съ колокольни Ивана Великаго крестъ, который намѣревался поставить на куполѣ Парижскаго Инвалиднаго Дома, но былъ принужденъ бросить его въ болото на четвертый же день отступле-

нія, вмѣстѣ съ другою награбленною добычею.

Безъ плана, безъ всякихъ инструкцій двинулись Французы изъ Москвы на помощь Мюрату, разбитому подъ Тарутинымъ. Всѣ маршалы совѣтовали отступать по Калужской дорогѣ, еще не разоренной бѣдствіями войны; но для этого требовалась величайшая быстрота, чтобы Кутузовъ не успѣлъ преградить дорогу, а Наполеонъ уже не былъ тѣмъ дѣятельнымъ, предпріимчивымъ полководцемъ, какимъ являлся при Риволи, при Аустерлицѣ. Покамѣсть онъ разсуждалъ и колебался, престарѣлый вождь Русскихъ силъ занялъ Малоярославецъ, и, послѣ жестокаго, упорнаго боя, погналъ Французовъ по той же дорогѣ, по которой они, въ упоеніи будущихъ торжествъ, шли къ Москвѣ. Вообще, послѣднія событія сильно подѣйствовали на Наполеона: онъ сталъ робокъ, нерѣшителенъ, и въ особенности былъ по-

раженъ угрожавшею ему явною опасностію плѣна: подъ Малоярославцемъ казаки Платова едва не захватили его, внезапно появившись въ тылу Французской арміи и опрокинувъ гвардейскихъ конно-егерей, составлявшихъ конвой Наполеона. Одинъ казакъ проскакалъ такъ близко отъ Наполеона, что могъ пронзить его пикою и однимъ ударомъ положить конецъ войнѣ, можетъ быть, даже предупредить неслыханныя бѣдствія, ожидавшія Французовъ....

Все, что Исторія говоритъ о легіонахъ Варра, истребленныхъ въ лѣсахъ Германскихъ, о войскахъ Камбиза, погибшихъ въ пескахъ Эѳіопіи, не можетъ быть сравнено съ тѣми страданіями и бѣдствіями, которыя переносили тогда остатки Французской арміи, еще недавно столь прекрасной, столь грозной. Грустно тянулась длинная колонна по дорогѣ, по которой за два мѣсяца передъ тѣмъ всѣ стремились къ перво-

престольной столицѣ Русскаго Царства, полные радости, надеждъ и силы. Наполеонъ, по-прежнему, ѣхалъ въ каретѣ, ни въ чемъ не нуждаясь, и уже въ послѣдствіи былъ припужденъ итти пѣшкомъ и съ палкою въ рукѣ. Больше всего заботился онъ о своей вѣрной гвардіи, и потому не слыхалъ упрековъ и проклятій, которыми осыпали его въ другихъ колоннахъ.

Поразительная картина этого отступленія, со всѣми военными дѣйствіями, ярко начертана краснорѣчивымъ авторомъ «Описанія войны 1812 г.», и къ творенію Генерала Михайловскаго-Данилевскаго отсылаемъ мы тѣхъ читателей, которые пожелали бы ознакомиться со всѣми подробностями страшной катастрофы. Обращаемся здѣсь собственно къ Наполеону. Онъ надѣялся найти на Березинѣ мостъ при Борисовѣ; но, по неизъяснимой непредусмотрительности, не оставилъ на этой важнѣй-

ией для своего отступленія позиціи достаточной для ея обороны части войскъ: Адмиралъ Чичаговъ разрушилъ мостъ. Теперь три Русскія арміи (Кутузова, Витгенштейна и Чичагова) стѣснили остатки Французскихъ полчищъ. Спасеніе Наполеона казалось невозможнымъ.... Окружавшіе его громко говорили о капитуляціи.... Мюратъ предлагалъ ему ввѣриться нѣсколькимъ Польскимъ кавалеристамъ, которые, зная дороги, довели бы его до Варшавы; но онъ объявилъ, что такое бѣгство недостойно его. Желая, во что бы то ни стало, навести два моста, онъ самъ наблюдалъ за работами, и особенно заботился о томъ, чтобы онѣ не были прерваны непріятельскимъ огнемъ. Можно представить себѣ его радость и изумленіе, когда, по наведеніи одного моста, онъ узналъ, что Русская армія удалилась, по ложнымъ извѣстіямъ, къ дру-

гому мѣсту переправы! Наполеонъ былъ спасенъ!...

Но, что ожидало его несчастныхъ воиновъ на переправѣ черезъ Березину? Черезъ полгода, въ одномъ мѣстѣ вытащено было, по распоряженію Русскаго Правительства, изъ рѣки двадцать тысячъ Французскихъ труповъ.... Можно по этому судить, сколько погибло Французовъ и ихъ союзниковъ въ послѣдній роковой моментъ бѣдственной кампаніи! Мосты, па которыхъ столпились люди и лошади, повозки и пушки, разрывались три раза, а между тѣмъ Русская артиллерія осыпала ихъ ядрами и картечью.

Ступивъ на противоположный берегъ Березины, Наполеонъ сначала хотѣлъ ѣхать въ Вильну; но скоро перемѣнилъ планъ, призвалъ Мюрата, далъ ему инструкціи, и отправился въ Сморгони, откуда ускакалъ на простыхъ саняхъ съ Коленкуромъ и мамелюкомъ Рустаномъ.

По пріѣздѣ въ Варшаву, онъ остановился въ трактирѣ; но не желая быть узнаннымъ, призвалъ къ себѣ посланника своего, Архіепископа Прадта, и въ разговорѣ съ нимъ произнесъ, между прочимъ, знаменитое изрѣченіе: «отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ.» Это было повторено имъ два или три раза. Вся остальная бесѣда, продолжавшаяся часа три, отличалась хвастовствомъ, легкомысліемъ и несвязностью въ выраженіяхъ, что составляло разительную противоположность съ бѣдствіемъ, постигшимъ его въ Россіи. Когда Прадтъ и Графъ Потоцкій изъявили ему свое удовольствіе, что видятъ его здравымъ и невредимымъ послѣ столькихъ опасностей, онъ воскликнулъ: «Опасностей! совсѣмъ нѣтъ! Я живу тревогами; чѣмъ больше хлопотъ, тѣмъ для меня здоровѣе. Только лѣнивые короли (les rois fainéants) толстѣютъ во дворцѣ; я всегда на конѣ и въ лагеряхъ.» — «Очевидно

было, замѣчаетъ Прадтъ, что онъ уже слышалъ насмѣшки Европы, а это было для него величайшею казнію.» — «Отъ чего вы такъ встревожены?» спросилъ Наполеонъ. — «Потому что мы смущены слухами.» — «Вздоръ! Армія въ превосходномъ состояніи: у меня сто двадцать тысячъ человѣкъ; я вездѣ разбивалъ Русскихъ. Они не могутъ намъ противиться. Это ужъ не воины Фридланда и Эйлау. Мы остановимся въ Вильнѣ. Я оставилъ тамъ Неаполитанскаго Короля, а самъ ѣду за 300,000 человѣкъ. Успѣхъ ободритъ Русскихъ. Я дамъ имъ два или три сраженія на Одерѣ, и черезъ полгода опять буду на Нѣманѣ. На тронѣ я значу больше, нежели въ главѣ моей арміи; конечно, мнѣ жаль разстаться съ нею; но надобно наблюдать за Пруссіей и Австріей.... Все, что случилось, бездѣлица; это просто неудача, слѣдствіе климата; непріятель тутъ ничего не значитъ; я вездѣ его раз-

бивалъ. Мнѣ хотѣли перерѣзать путь у Березины; я посмѣялся надъ адмираломъ (*) (je me moquai de cet amiral).» — Продолжая въ такомъ тонѣ разговоръ, онъ вдругъ сказалъ: «Русскіе показали себя. Александръ любимъ. У нихъ тучи казаковъ; этотъ народъ что нибудь значитъ. Крестьяне привязаны къ своему правительству. Все дворянство вооружилось за престолъ и отечество. Кто бы подумалъ, что можно было рѣшиться на такой подвигъ, какъ сожженіе Москвы? Русскіе приписываютъ пожаръ намъ; но они сами сожгли городъ. Это сдѣлало бы честь Риму....»

Изъ Варшавы Наполеонъ поѣхалъ черезъ Саксонію, подъ именемъ секретаря Коленкура, который и подорожную взялъ на свое имя. Въ Дрезденѣ онъ пробылъ не долго, и затѣмъ не останавливался

(*) Наполеонъ никакъ не могъ выговорить фамилію Адмирала Чичагова.

до Парижа, куда прїѣхалъ 18-го Декабря (н. ст.), въ десять часовъ вечера. Никто не ожидалъ его возвращенія, особенно въ такомъ скромномъ видѣ, и потому часовые едва узнали его и едва пропустили во дворецъ. Даже Марія-Луиза, уже лежавшая въ постели, не узнала своего супруга.

—

VII.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ НАПОЛЕОНА КЪ НОВОЙ ВОЙНѢ. — БИТВЫ ПРИ ЛЮЦЕНѢ И БАУЦЕНѢ. — ПЕРЕГОВОРЫ О МИРѢ ВЪ ПРАГѢ. — ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — ДРЕЗДЕНСКОЕ СРАЖЕНІЕ. — УСПѢХИ СОЮЗНИКОВЪ НАДЪ ОТДѢЛЬНЫМИ КОРПУСАМИ НАПОЛЕОНА. — ВРАЖДУЮЩІЯ СТОРОНЫ СОСРЕДОТОЧИВАЮТСЯ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ. — РѢШИТЕЛЬНАЯ ПОБѢДА СОЮЗНИКОВЪ. — ОТЪѢЗДЪ НАПОЛЕОНА ВЪ ПАРИЖЪ. — ПЕРЕПРАВА СОЮЗНЫХЪ АРМІЙ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ И ДѢЙСТВІЯ ИХЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ФРАНЦІИ. — ШАТИЛЬОНСКІЙ КОНГРЕССЪ. — ДВИЖЕНІЕ СОЮЗНИКОВЪ КЪ ПАРИЖУ. — КАПИТУЛЯЦІЯ ПАРИЖА. — ОТРЕЧЕНІЕ НАПОЛЕОНА.

—

Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ спустя два дня послѣ обнародованія страшнаго 29-го бюллетеня, въ которомъ онъ почти объявилъ истину объ уничтоже-

нiи своей армiи. Возвращенiе его нѣсколько успокоило взволнованные умы. Самъ онъ казался нисколько не смущеннымъ великимъ бѣдствiемъ, и на другой же день созвалъ всѣхъ министровъ, всѣхъ сановниковъ Имперiи для совѣщанiя съ ними о средствахъ къ продолженiю войны. Надлежало сформировать новую армiю, заготовить всѣ матерiяльныя принадлежности ея. Въ Россiи потеряно было 900 орудiй и сто двадцать тысячъ лошадей. Назначивъ Марiю-Луизу правительницею Имперiи съ ограниченiемъ власти ея особымъ совѣтомъ, онъ выѣхалъ изъ Парижа 15-го Апрѣля.

Что же происходило между тѣмъ съ остатками такъ называемой «великой» армiи, брошенными на произволъ судьбы въ предѣлахъ Россiи?

Послѣ бѣгства Мюрата, Евгенiй, принявъ надъ ними начальство, не могъ держаться въ Польшѣ. Покинутый вспомогательными корпусами Прусскимъ и

Австрійскимъ, онъ принужденъ былъ отступить сначала за Вислу, потомъ за Одеръ, и наконецъ къ Эльбѣ, гдѣ получилъ подкрѣпленія. Въ то же время прибылъ на берега Саалы и Наполеонъ, на тѣ самыя мѣста, которыя, за семь лѣтъ, были свидѣтелями его торжествъ. Первое сраженіе новой кампаніи произошло при Люценѣ (1-го Мая 1813 года). Русскіе и Пруссаки, въ присутствіи своихъ Монарховъ, аттаковали Французскую армію въ грозной позиціи, тамъ, гдѣ нѣкогда сражался и палъ герой Швеціи, Густавъ-Адольфъ. То была ожесточенная борьба пѣхоты и артиллеріи; неподвижныя массы, построенныя подъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, погибали, не имѣя возможности защищаться. Наполеона выручила изъ бѣды молодая гвардія; она овладѣла деревнею Кайя, ключемъ позиціи, лишившись при этомъ пятнадцати тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, Люценская побѣда, дорого стоив-

ная Французамъ, не принесла имъ пользы. Союзники отступили въ совершенномъ порядкѣ. Столь же нерѣшительныя послѣдствія имѣло и сраженіе подъ Бауценомъ (19-го Мая), послѣ котораго заключено было перемиріе для открытія въ Прагѣ переговоровъ о мирѣ. Наполеону предлагали отказаться отъ Иллиріи, отъ половины Италіи, отъ Саксонской Польши, отъ Голландіи, отъ Испаніи, отъ Рейнскаго Союза, отъ Гельветическаго посредничества, наконецъ у него требовали освобожденія изъ плѣна Папы. «Стало быть, вы хотите раздѣла Имперіи?» воскликнулъ онъ, обращаясь къ Меттерниху, который пріѣзжалъ къ нему съ условіями отъ Австрійскаго Императора. Ослѣпленіе Наполеоново было такъ велико, онъ былъ такъ увѣренъ въ своихъ силахъ и въ своемъ превосходствѣ, что не хотѣлъ отказаться ни отъ одного изъ своихъ замысловъ, и, упорствуя держаться на

Эльбѣ, занимая Данцигъ и крѣпости въ Польшѣ, все еще льстилъ себя надеждою снова завоевать эти страны. Одна мысль объ уступкѣ или объ отступленіи приводила его въ бѣшенство.

Между тѣмъ срокъ перемирія кончился; Блюхеръ, предводительствуя Пруссаками, вступилъ въ Силезію, и наконецъ Австрія обнародовала свой манифестъ о вооруженіи. Швеція еще прежде приняла сторону союзниковъ, и выслала войско въ Померанію, подъ начальствомъ Кронпринца Карла-Іоанна, который предводительствовалъ потомъ всею Сѣверною Арміею. Такъ началась священная война за великое дѣло освобожденія міра: 800,000 чел. дѣйствовали противъ Французскихъ войскъ на огромномъ протяженіи отъ Нѣмецкаго Моря до Италіи.

Союзныя войска двинулись изъ Богеміи къ Дрездену. Здѣсь счастіе въ последній разъ улыбнулось своему любим-

цу. Быстрымъ сосредоточенїемъ силъ, Наполеонъ, въ продолженіе двухъ дней (27-го и 28-го Авг. н. ст.), торжествовалъ надъ союзниками. Всю ночь, на 28-е число занимался онъ размѣщеніемъ своихъ силъ, и потомъ съ утра былъ на конѣ, подъ выстрѣлами, промоченный проливнымъ дождемъ. Дрезденская битва замѣчательна еще смертью знаменитаго Моро, который, по приглашенію Императора Александра и по просьбѣ стариннаго друга своего, Бернадота, прибылъ изъ Америки помогать союзникамъ словомъ и дѣломъ. Онъ палъ возлѣ Русскаго Царя, при первомъ появленіи на полѣ битвы, и ядро, его сразившее, было пущено батареею, которую наводилъ самъ Наполеонъ. Разумѣется, что въ бюллетенѣ своемъ онъ воспользовался всѣми этими обстоятельствами, чтобы представить небесною карою ударъ, отъ котораго палъ его личный врагъ.

Въ то время, когда подъ Дрезденомъ Наполеонъ остановилъ движенiе союзниковъ, Блюхеръ одержалъ надъ Макдональдомъ блистательную побѣду при Кацбахѣ, въ Силезiи. Вскорѣ потомъ, при Кульмѣ и Ноллендорфѣ, разбитъ былъ наголову корпусъ Вандама, и самъ Маршалъ взятъ въ плѣнъ. Наконецъ, при Денневицѣ, Наслѣдный Принцъ Шведскiй и Бюлоу поразили Французское войско, стремившееся къ Берлину, сначала подъ предводительствомъ Удино, а потомъ Нея.

Всѣ эти неудачи были грустнымъ вознагражденiемъ за Дрезденскую побѣду. Положенiе Наполеона становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ. Союзники усиливались; опасность грозила ему со всѣхъ сторонъ; надежда разбить непрiятельскiя войска по-одиначкѣ исчезла; партизаны уже прерывали сообщенiя съ Рейномъ; наконецъ Полковникъ Чернышевъ, съ небольшимъ отрядомъ,

сдѣлалъ набѣгъ на Кассель, и прекратилъ существованіе Вестфальскаго Королевства. Іеронимъ бѣжалъ. Единственнымъ средствомъ спасенія оставалось, или рѣшительная битва, или отступленіе. Въ эту минуту отступленіе на Рейнъ было еще возможно; но никакія убѣжденія не могли удалить Наполеона съ береговъ Эльбы. Нѣсколько дней онъ былъ боленъ послѣ трудовъ, понесенныхъ подъ Дрезденомъ; нѣкоторые замѣтили въ немъ даже помраченіе умственныхъ способностей. Маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, весьма близко видѣвшій тогда Наполеона, говоритъ объ этомъ положительно. Вѣрно то, что посреди столь великихъ опасностей, Наполеонъ, около мѣсяца проживъ въ Дрезденѣ, не предпринялъ ничего рѣшительнаго, и только въ первыхъ числахъ Октября двинулся на сѣверъ. Никто не могъ понять, куда велъ онъ свою армію. Спачала онъ объявилъ, что хочетъ итти на Берлинъ,

чтобы тамъ смыть позоръ своихъ полководцевъ, и потомъ соединиться съ Даву, который укрѣплялся въ Гамбургѣ; но когда онъ оставилъ правый берегъ Эльбы и спустился по лѣвому, всѣ полагали, что онъ готовится къ отступленію. Иначе, съ какою цѣлью остановился онъ у Лейпцига, города не укрѣпленнаго, въ самой невыгодной позиціи?...

И такъ, подъ Лейпцигомъ должна была послѣдовать великая, безсмертная битва народовъ, увѣнчанная блистательнѣйшею побѣдою союзниковъ. Три дня (отъ 16 до 18 Окт.) продолжалась борьба между полумилліономъ сражающихся; сдѣлано было болѣе двухъ сотъ тысячъ выстрѣловъ изъ артиллерійскихъ орудій; союзные Монархи являлись въ головѣ своихъ колоннъ, и Наполеонъ самъ водилъ въ огонь свою старую гвардію. Онъ сражался теперь уже не для побѣды; ему надлежало помышлять толь-

ко объ обезпеченіи своего отступленія. Въ послѣдній, рѣшительный день битвы (18-го Окт.), около полудня, цѣлый корпусъ Саксонцевъ, вмѣстѣ съ Виртембергскою кавалеріею, отдѣлился отъ Французовъ, и перешелъ на сторону союзниковъ; наконецъ, въ четыре часа пополудни, когда сраженіе было въ полномъ разгарѣ, начальники артиллеріи объявили Наполеону, что снарядовъ осталось лишь на нѣсколько минутъ. Медлить было нечего. Съ трудомъ пробрался Наполеонъ сквозь нестройныя толпы своихъ бѣгущихъ войскъ, гонимыхъ союзниками, и за Эльстеромъ остановился на мельницѣ. Говорятъ, будто здѣсь онъ крѣпко заснулъ; но, конечно, то не былъ сонъ Александра при Арбеллахъ.... Разбуженный внезапнымъ пріѣздомъ Мюрата и Ожеро, онъ узналъ отъ нихъ, что мостъ, согласно его приказанію, хотя и былъ взорванъ, но преждевременно, такъ что половина

арміи еще не успѣла переправиться на противоположный берегъ. Помышляя только о собственномъ спасеніи, онъ поспѣшилъ удалиться съ своею гвардіею; въ Маркрандштадтѣ онъ получилъ извѣстіе о великости своихъ потерь, о смерти Понятовскаго, о капитуляціи тридцати тысячъ своихъ солдатъ, и, пробывъ два дня въ Эрфуртѣ, старался привести въ порядокъ остатки своей арміи, которая еще простиралась до осьмидесяти тысячъ человѣкъ. При Ганау, шестьдесятъ тысячъ Австрійцевъ и Баварцевъ, также перешедшихъ къ союзникамъ, преградили ему путь. Не потерявъ присутствія духа, и имѣя при себѣ старую гвардію, почти нетронутую, онъ безъ труда разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ, съ торжествомъ вступилъ въ Майнцъ, и хвастливымъ декретомъ приготовилъ свое возвращеніе въ Парижъ, гдѣ присутствіе его было необходимо.

По мѣрѣ полученія въ Парижѣ извѣстій о неудачной борьбѣ съ союзниками, всѣ партіи возвратились къ прежнимъ воспоминаніямъ. Въ Бордо и въ Вандеѣ, роялисты начали сосредоточивать свои силы, какъ въ первые годы революціи, и всѣ готовились къ неизбѣжному перевороту. При такомъ положеніи дѣлъ, Императрица Марія-Луиза, по приказанію Императора, данному еще прежде Лейпцигской битвы, явилась въ Сенатѣ 9-го Октября, и потребовала набора трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Послѣ множества наборовъ и конскрипцій, это было почти невозможно; однако, сенаторы согласились. Между тѣмъ, уже послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, предложены были Наполеону, чрезъ посредство Сентъ-Эніана, Французскаго резидента въ Веймарѣ, мирныя условія, почти одинаковыя съ тѣми, какія были постановлены Прагскимъ конгрессомъ. Новые переговоры долженствовали от-

крыться въ Мангеймѣ, и всѣ родные, всѣ приближенные упрашивали Наполеона согласиться на предложенія союзниковъ. Онъ колебался; союзныя войска продолжали между тѣмъ свое движеніе.

Взвѣшивая однакожъ опасность своего положенія, Наполеонъ хотѣлъ примирить съ собою, по крайней мѣрѣ, часть своихъ враговъ. Престарѣлый Папа получилъ наконецъ свободу съ частью Церковной Области. Съ плѣннымъ Королемъ Испанскимъ, Фердинандомъ VII, еще прежде заключенъ былъ договоръ въ Валансе, въ силу котораго онъ воротился въ свою столицу, а Французскія войска, находившіяся въ Испаніи, были отозваны.

Быстрое приближеніе союзныхъ армій къ границамъ Франціи заставило Наполеона употреблять всѣ мѣры къ возбужденію умовъ. По его приказанію, союзниковъ, особенно Русскихъ, пред-

ставляли на театрахъ и описывали въ памфлетахъ душегубцами, зажигателями, которые идутъ мстить за пожаръ Москвы и за всѣ бѣдствія, которыми Французы истерзали ихъ родину. Жители Парижа оставались безстрастными и холодными. 25-го Января 1814 г., Наполеонъ выѣхалъ наконецъ въ Шалонъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтить главныя силы союзниковъ, переправившіяся черезъ Рейнъ на многихъ точкахъ, на пространствѣ отъ Базеля до Кельна. Неутомимый Блюхеръ, командовавшій правымъ крыломъ такъ называемой Силезской арміи, остановился въ центрѣ Шампани, въ Сенъ-Дизіе. Вытѣснивъ оттуда, Наполеонъ отбросилъ его къ Бріенню, къ тому городу, гдѣ, по милости Бурбоновъ, получилъ первое воспитаніе. И здѣсь, черезъ тридцать лѣтъ, увѣнчанному императорскою короною, ему пришлось оспоривать свое могущество мечемъ! Говорятъ, будто, проѣз-

жая мимо одного стараго дерева, онъ узналъ въ немъ то, подъ тѣнью котораго размышлялъ нѣкогда объ Исторіи; но воспоминаніе юныхъ лѣтъ, повидимому, не долго занимало его. Въ этомъ отношеніи онъ былъ не слишкомъ чувствителенъ; да и не время было размышлять тогда о прошломъ: надлежало вытѣснить Блюхера изъ грозной позиціи. Успѣхъ убійственныхъ аттакъ долго колебался; наконецъ Наполеонъ овладѣлъ Бріенномъ, но зданіе, пріютившее его дѣтство, было сожжено.... Блюхеръ отступилъ въ совершенномъ порядкѣ къ деревнѣ ла-Ротіеръ, и 1-го Февраля нанесъ тамъ Французамъ жестокое пораженіе. Они лишились четырехъ тысячъ человѣкъ и шестидесяти орудій.

Принужденный удалиться за рѣку Объ, Наполеонъ увидѣлъ себя въ самомъ критическомъ положеніи. Теперь онъ имѣлъ дѣло не съ однимъ

Блюхеромъ: передъ нимъ была вся союзная армія, предводимая Шварценбергомъ. Сами Монархи, находясь въ главѣ колоннъ, подобно своему противнику, проводили ночи на бивакахъ, а дни на полѣ сраженія. Послѣ долгихъ совѣщаній, положено было дѣйствовать двумя раздѣленными арміями: Силезская назначалась итти на Парижъ, по теченію Марны; Шварценбергова должна была слѣдовать туда же, по теченію Сены. Эта раздѣльность не только спасла Наполеона, но и доставила ему случай къ послѣднимъ успѣхамъ. Узнавъ, что Блюхеръ раздѣлилъ также свою армію на различные корпуса, которые, по отдаленности, не могли подать другъ другу помощи, онъ аттаковалъ сначала дивизію Олсуфьева, при Шампоберѣ, своими лучшими войсками (причемъ самъ Генералъ Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ); потомъ устремился на Сакена, шедшаго на помощь, и оттѣснилъ его къ Ша-

то-Тіери, откуда Сакенъ переправился за Марну. Когда Блюхеръ, извѣстясь о неудачахъ этихъ генераловъ, явился выручать ихъ, то увидѣлъ передъ собою всю Французскую армію. И онъ принужденъ былъ отступить до Этожа съ большимъ урономъ. Въ это время, главная армія союзниковъ, тѣсня корпуса Виктора и Удино, быстро подвигалась къ Парижу; по овладѣніи мостами въ Ножанѣ, въ Бре и Монтеро, Шварценбергъ, со ста пятидесятью тысячами человѣкъ вступилъ въ равнины Нанжиса и Провена (Provins). Вдругъ, совершенно неожиданно, является Наполеонъ, отбрасываетъ Шварценберга за Сену, а черезъ два дня послѣ этого (18-го Февраля) овладѣваетъ Монтероскимъ постомъ.

Это была одна изъ самыхъ блистательныхъ недѣль въ жизни Наполеона. Гордо возвѣщалъ онъ о своихъ тріумфахъ въ бюллетеняхъ и въ журналахъ;

пушечные выстрѣлы ежедневно раздавались въ Парижѣ; по улицамъ водили плѣнныхъ и носили отбитыя знамена. Все это, конечно, могло льстить Парижанамъ; но именно надменность побѣдителя и имѣла пагубное вліяніе на мирные переговоры, происходившіе въ Шатиліонѣ. Коленкуръ, согласно даннымъ ему инструкціямъ, хотя и былъ уполномоченъ согласиться на очертаніе границъ Франціи Рейномъ и Альпами; но послѣ одержанныхъ успѣховъ, Наполеонъ приказалъ своему послу принять «болѣе гордый тонъ, и ничего не подписывать безъ его повелѣнія.» Тогда союзники, договоромъ, заключеннымъ 1-го Марта въ Шомонѣ, положили не вступать съ Наполеономъ ни въ какіе переговоры, и въ то же время рѣшено было окончательно возстановить Бурбоновъ. Это былъ для него смертельный приговоръ. Онъ самъ чувствовалъ себя ослабленнымъ необыкновенными усилія-

*

ми, и послѣ пораженій, нанесенныхъ ему при Кранѣ (Craon) и Ланѣ (Laon), почти могъ считать свое дѣло проиграннымъ, тѣмъ болѣе, что и маршалы его, Мармонъ, Удино и Макдональдъ, были разбиты союзными войсками.

Когда Шатиліонскій конгрессъ былъ закрытъ (19-го Марта), Императоръ Александръ, чтобы дать войнѣ рѣшительный оборотъ, принялъ твердое намѣреніе итти на Парижъ со всѣми силами коалиціи. Наполеонъ не могъ воспротивиться этому намѣренію, имѣя подъ рукой не больше тридцати тысячъ войска; но въ головѣ его мелькнула смѣлая мысль перенести войну въ тылъ союзниковъ, между Рейномъ и Мозелемъ, и такимъ образомъ отвлечь ихъ отъ столицы. Весь свой планъ и всѣ свои замыслы объяснилъ онъ Маріи-Луизѣ, въ письмѣ, которое было перехвачено и, доставшись въ руки союзныхъ Монарховъ, окончательно заставило ихъ

направить войска на Парижъ. Наполеонъ пошелъ между тѣмъ на Сенъ-Дизіе, и за нимъ былъ посланъ только Винцингероде съ кавалерійскимъ отрядомъ, который онъ принялъ за всю союзную армію. Только на второй день узналъ онъ свою ошибку. Уже было поздно: союзные Монархи находились подъ стѣнами Парижа, защищаемаго національною гвардіею и остатками корпусовъ Мармона и Мортіе, сюда отступившими. 28-го Марта Марія-Луиза, съ Римскимъ Королемъ и высшими государственными сановниками, удалилась въ Блуа, сопровождаемая многочисленною свитою и конвоемъ изъ двухъ тысячь пяти сотъ человѣкъ. 30-го числа съ утра, городъ былъ атакованъ на всѣхъ пунктахъ праваго берега Сены, отъ Венсена до Булонскаго Лѣса. Сначала сопротивленіе было упорное; но когда Король Іосифъ, на котораго Наполеонъ возложилъ оборону Парижа,

видя невозможность отстоять городъ, бѣжалъ, Маршалъ Мармонъ послалъ парламентера съ предложеніемъ капитуляціи. Линѣйныя войска получили позволеніе выйти съ оружіемъ. Они направились къ Фонтенбло, чтобы соединиться тамъ съ Наполеономъ, который, узнавъ о движеніи союзниковъ на столицу, спѣшилъ къ ней на помощь.

Роковая вѣсть о взятіи Парижа поразила Наполеона. Въ отчаяніи, совершенно растерявшись, онъ хотѣлъ итти на выручку столицы; но Бертіе и Коленкуръ представили ему всю безразсудность такого предпріятія. Вскорѣ потомъ Сенатъ объявилъ его лишеннымъ престола, а союзные Монархи потребовали отъ него безусловнаго отрѣченія.

Долго не рѣшался Наполеонъ подписать себѣ приговоръ; но, побуждаемый Неемъ и Бертіе, видя что онъ оставленъ самыми стариннымиі друзьями, самыми преданными генералами, согласился на

все. Ему былъ предоставленъ во владѣніе островъ Эльба съ титуломъ Императора; собственно ему назначили два милліона франковъ дохода и 250 милліоновъ его семейству; наконецъ, онъ имѣлъ право взять съ собою четыреста человѣкъ изъ старой гвардіи. «Я проигрываю выгодную партію», сказалъ онъ коммиссарамъ союзныхъ Монарховъ, назначеннымъ сопровождать его; «но въ сущности выигрышъ на моей сторонѣ: начавъ игру, я имѣлъ только шесть франковъ въ карманѣ.»

Марія-Луиза уѣхала съ сыномъ въ Австрію; Наполеонъ уже никогда не видалъ ихъ. По возвращеніи его, въ послѣдствіи, во Францію, она оставалась въ Шенбрунѣ, близъ Вѣны.

Нѣкоторые писатели опровергаютъ показаніе, будто Наполеонъ въ Фонтенбло хотѣлъ отравиться. Они говорятъ, что самоубійство не было въ его характерѣ, что онъ часто презиралъ смерть,

когда имѣлъ на то побудительныя причины, особенно когда стремился къ пріобрѣтенію славы и власти; но, что едва ли бы захотѣлъ лишить себя жизни безъ всякой цѣли и необходимости.

—

VIII.

ПРОЩАНІЕ НАПОЛЕОНА СЪ СТАРОЮ ГВАРДІЕЮ. — ЛЮБОПЫТНЫЯ ПОДРОБНОСТИ О ПУТЕШЕСТВІИ ЕГО ОТЪ ФОНТЕНБЛО ДО ФРЕЖЮСА. — ОТПЛЫТІЕ НА ОСТРОВЪ ЭЛЬБУ. — СВѢДѢНІЯ ОБЪ ЭТОМЪ ОСТРОВѢ. — МЫСЛЬ О ПОБѢГѢ. — СНОШЕНІЯ СЪ ФРАНЦІЕЮ. — НАПОЛЕОНЪ ОСТАВЛЯЕТЪ ОСТРОВЪ ЭЛЬБУ. — ОТКРЫТІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО. — ПОСЛѢДНІЯ ПОПЫТКИ НАПОЛЕОНА УДЕРЖАТЬСЯ НА ПРЕСТОЛѢ. — НАМѢРЕНІЕ ЕГО УДАЛИТЬСЯ ВЪ АМЕРИКУ. — ПИСЬМО КЪ ПРИНЦУ-РЕГЕНТУ АНГЛІИ. — КОРАБЛЬ БЕЛЛЕРОФОНЪ.

Наполеонъ прожилъ въ Фонтенбло до 20-го Апрѣля. Въ послѣдніе дни онъ посѣщалъ своихъ воиновъ, прощался съ ними, и неоднократно просилъ офице-

ровъ и генераловъ «быть вѣрными новому монарху.» Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ свиданій онъ, конечно, прибѣгалъ къ шарлатанству; но послѣднее, когда происходилъ смотръ старой гвардіи, было трогательно. Наполеонъ приказалъ принести знамена, цѣловалъ ихъ, обнялъ Генерала Пети, и давалъ цѣловать руку офицерамъ. Многіе плакали, и самъ онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Карета давно была готова; но онъ медлилъ садиться въ нее. Такъ тяжко было ему отказаться отъ власти!

Наконецъ двинулся длинный поѣздъ. Каждый коммиссаръ имѣлъ свой экипажъ. Сначала, по дорогѣ, раздавались только крики: «да здравствуетъ Императоръ!» но отъ Валанса народъ уже возглашалъ: «Да здравствуютъ Союзники! Да здравствуетъ Король! Прочь Императора!» Во многихъ мѣстахъ собирались буйныя толпы черни, и раздавались сильныя угрозы противъ На-

полеона. Малодушіе, обнаруженное имъ въ эти минуты, могло бы показаться невѣроятнымъ въ человѣкѣ, который столько разъ встрѣчалъ смерть на полѣ битвы; но это подтверждаютъ коммиссары четырехъ державъ, очевидцы. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ, Графъ Вальдбургъ-Трухсессъ, коммиссаръ Прусскаго Короля:

«.... Впереди ѣхалъ генералъ Друо, въ закрытой четырехмѣстной каретѣ; за нимъ слѣдовала карета Наполеона; потомъ ѣхалъ генералъ Коллеръ (Австрійскій коммиссаръ); далѣе Графъ Шуваловъ, полковникъ Кампбель (Англійскій коммиссаръ) и наконецъ я. За мной слѣдовалъ адъютантъ Графа Шувалова; поѣздъ замыкали восемь каретъ со свитою Императора. Наполеона всюду привѣтствовали криками: «Да здравствуетъ Императоръ!» и мы много терпѣли отъ оскорбительныхъ противъ насъ выраженій народа. Гвардія сопровож-

дала Наполеона до Бріара. Онъ выѣхалъ отсюда ночью; пять его каретъ отправились впередъ, потому что недостатокъ лошадей заставилъ насъ раздѣлиться на два поѣзда. Передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь, Наполеонъ долго разговаривалъ съ Генераломъ Коллеромъ, и между прочимъ много хвалилъ Императора Александра, который великодушно предлагалъ ему убѣжище въ Россіи, чего онъ, съ большимъ правомъ, могъ ожидать отъ своего тестя. Въ Неверъ, Императора ожидали опять тѣ же восторженные крики. Здѣсь находились послѣдніе отряды гвардіи, сопровождавшіе его до Вильнёва, и отсюда онъ встрѣчалъ лишь конвои казачьи и Австрійскіе. Чтобы не казаться государственнымъ арестантомъ, ему очень не хотѣлось быть подъ прикрытіемъ иностранныхъ солдатъ. Въ Муленѣ, мы увидѣли первыя бѣлыя кокарды, и жители приняли насъ воскли-

цаніями: «да здравствуютъ Союзники!» Изъ Ліона, полковникъ Кампбель отправился впередъ, чтобы сыскать въ Тулонѣ или въ Марсели Англійскій фрегатъ, на которомъ Наполеонъ желалъ совершить переѣздъ на свой островъ. Близъ Валанса встрѣтили мы Маршала Ожеро. Императоръ и маршалъ вышли изъ каретъ; Наполеонъ снялъ шляпу и встрѣтилъ Ожеро съ распростертыми объятіями; Ожеро обнялъ его, но не поклонился. «Куда ты ѣдешь? спросилъ Императоръ, взявъ его подъ руку; ты ѣдешь ко двору?» Ожеро отвѣчалъ, что покамѣстъ ѣдетъ въ Ліонъ. Около четверти часа шли они вмѣстѣ, по Валансской дорогѣ. Наполеонъ началъ упрекать маршала. «Твоя прокламація очень нелѣпа, сказалъ онъ; зачѣмъ было ругаться надо мной? Надобно было бы сказать просто: народъ желаетъ новаго Монарха, и войско обязано послѣдовать этому желанію. Да здравствуетъ Ко-

роль! Да здравствуетъ Лудовикъ XVIII.» Послѣ этого и Ожеро сталъ говорить Наполеону: ты, и, въ свою очередь, горько упрекалъ его за ненасытимое властолюбіе, которому онъ принесъ въ жертву все, даже благо всей Франціи. Утомившись этимъ разговоромъ, Наполеонъ вдругъ обратился къ маршалу, обнялъ его, снялъ шляпу, и бросился въ карету. Ожеро, сложивъ руки за спиною, даже не дотронулся до своей фуражки, и только когда Императоръ сѣлъ въ карету, презрительно махнулъ ему рукою; по коммиссаровъ онъ привѣтствовалъ самымъ любезнымъ образомъ. Въ Валансѣ мы нашли войска корпуса Ожеро, которыя хотя и надѣли бѣлую кокарду, однако отдали Императору должную честь. Это было послѣднее его торжество; послѣ того онъ уже не слыхалъ ни одного «виватъ!» На одной станціи, за Авиніономъ, собравшійся народъ встрѣтилъ насъ восклицаніями:

«Да здравствуетъ Король! Да здравствуютъ союзники! Долой Наполеона!» Мы съ трудомъ могли удержать толпу, осаждавшую его карету, и кое-какъ убѣдили изступленныхъ простолюдиновъ не ругаться надъ человѣкомъ, который, какъ они говорили, желалъ только ихъ несчастія. Успокоившись, они ограничивались кликами: «Да здравствуютъ Союзники, наши спасители, великодушный Императоръ Россійскій и добрый Король Фридрихъ-Вильгельмъ!» Даже кучера Наполеонова хотѣли принудить кричать: «да здравствуетъ Король», и когда онъ отказался, одинъ изъ бѣсновавшихся замахнулся на него саблею. По счастію, лошади были уже запряжены, и карета ускакала. Точно такимъ образомъ встрѣчали Наполеона во всѣхъ мѣстахъ, которыми мы проѣзжали. Въ Оргонѣ, небольшомъ селеніи, гдѣ мы перемѣняли лошадей, неистовство народа достигло высшей сте-

пени. Народъ карабкался на карету Наполеона, хотѣлъ его видѣть и выразить ему свой гнѣвъ. Наполеонъ, скрываясь, сколько могъ, за генераломъ Бертраномъ, былъ блѣденъ, искаженъ и не говорилъ ни слова. Графъ Шуваловъ, стоявшій возлѣ его кареты, обратился къ толпѣ съ слѣдующею рѣчью: «Не стыдно ли вамъ ругаться надъ беззащитнымъ несчастливцемъ? Онъ и безъ того униженъ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ теперь находится—онъ, который думалъ предписывать законы всему міру, а нынѣ поручаетъ себя вашему великодушію. Предоставьте его самому себѣ; посмотрите на него: вы видите, что равнодушіе есть единственное оружіе, которымъ вы должны дѣйствовать противъ человѣка, который пересталъ быть опаснымъ. Другая месть была бы не достойна Французскаго народа!» Толпа разразилась рукоплесканіями, и Бонапарте, видя благопріятное

дѣйствіе рѣчи, дѣлалъ Графу Шувалову одобрительные знаки, а потомъ благодарилъ его за оказанную тѣмъ услугу. Отъѣхавъ съ четверть мили отъ Оргона, и признавъ необходимымъ переодѣться, Наполеонъ надѣлъ старый синій сертукъ, круглую шляпу съ бѣлою кокардою, и сѣвъ на почтовую лошадь, поскакалъ передъ каретою. Такъ какъ мы не могли поспѣть за нимъ, то пріѣхали въ Сенъ-Кана долго спустя послѣ него, и не зная, какимъ образомъ онъ скрывалъ себя передъ народомъ, почитали его въ величайшей опасности, потому что увидѣли около его кареты раздраженную толпу, силившуюся отворить дверцы. По счастію, дверцы были замкнуты, и это спасло Генерала Бертрана, сидѣвшаго на мѣстѣ Императора. Особенно изумило насъ упорство женщинъ; онѣ умоляли выдать имъ Наполеона. «Онъ такъ виноватъ противъ насъ и васъ самихъ, что мы требуемъ

только справедливаго», говорили женщины. Въ полумилѣ отъ Сенъ-Кана, мы нагнали карету Императора, который, вскорѣ потомъ, вошелъ въ плохой трактиръ, на большой дорогѣ. Мы послѣдовали за нимъ, и только тутъ узнали, въ какомъ странномъ нарядѣ прiѣхалъ онъ въ этотъ трактиръ. Его сопровождалъ одинъ почтарь; вся свита, начиная отъ генерала до поваренка, нарядилась въ бѣлыя кокарды, которыми запаслась, кажется, заранѣе. Каммердинеръ Наполеона, встрѣтившiй насъ, просилъ называть Императора Полковникомъ Кампбелемъ, за котораго онъ выдалъ себя хозяйкѣ. Я первый вошелъ въ комнату, и былъ пораженъ, увидѣвъ еще недавно могущественнѣйшаго Монарха погруженнаго въ глубокую думу: онъ сидѣлъ, поддерживая голову руками. Сначала я не узналъ его, и приблизился къ нему. Услыхавъ мои шаги, онъ вскочилъ, и я увидѣлъ

лице его, омоченное слезами. Онъ далъ мнѣ знакъ молчать, посадилъ возлѣ себя, и покамѣстъ хозяйка была въ комнатѣ, говорилъ о посторонниxъ предметахъ. Когда хозяйка вышла, я счелъ приличнымъ оставить его одного; однако жъ, онъ просилъ насъ заходить по временамъ въ его комнату, чтобы не подать подозрѣнія. Мы сказали ему, что Полковникъ Кампбель проѣхалъ здѣсь наканунѣ, отправляясь въ Тулонъ, и тогда онъ рѣшился принять фамилію Лорда Боргерша (Burghersh). Сѣли за столъ; но какъ кушанье было приготовлено не его поварами, то онъ не могъ рѣшиться принять какую либо пищу, опасаясь быть отравленнымъ. Видя однако, что мы ѣдимъ съ аппетитомъ, онъ устыдился своего страха, и бралъ все, что подносили. Онъ показывалъ видъ, что отвѣдываетъ, а между тѣмъ отсылалъ всѣ блюда нетронутыми, а иногда взятый кусокъ даже бросалъ

подъ столъ. Обѣдъ его состоялъ изъ ломтя хлѣба и рюмки вина изъ фляжки, вынутой изъ дорожной кареты. Виномъ этимъ онъ подчивалъ и насъ. Онъ говорилъ много, и былъ очень любезенъ. Когда хозяйка, намъ прислуживавшая, вышла, онъ признался, что почитаетъ жизнь свою въ опасности, и думалъ, что Французское Правительство приняло мѣры похитить или убить его въ этомъ мѣстѣ. Предувѣдомленный, что въ Эсѣ (Aix) собралась на почтѣ толпа народа, онъ объявилъ, что полагаетъ лучше всего воротиться въ Ліонъ, и оттуда ѣхать другою дорогою, для отплытія въ Италію. Мы ни подъ какимъ видомъ не могли согласиться на это, и старались уговорить его ѣхать прямо въ Тулонъ, или черезъ Дижонъ, въ Фрежюсъ. Мы старались также разувѣрить его на счетъ замысловъ Французскаго Правительства, и говорили, что чернь, не смотря на всѣ неистовства, не посягнетъ

на смертоубійство. Чтобы убѣдить насъ въ справедливости своихъ опасеній, онъ разсказалъ намъ разговоръ свой съ хозяйкою, которая его не узнала. — Ну что, встрѣтили ли вы Бонапарте? спросила она. — «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ.— Любопытно было бы знать, продолжала хозяйка, ускользнетъ ли онъ; я думаю, что народъ убьетъ его! Скажите, вѣдь его отправляютъ на островъ?—«Да.» —Вѣдь его утопятъ?—«Надѣюсь», отвѣчалъ Наполеонъ. — Видите ли, какая опасность мнѣ угрожаетъ, прибавилъ Императоръ, и опять началъ мучить насъ своими опасеніями и своею нерѣшительностью. Онъ даже просилъ насъ посмотрѣть, нѣтъ ли какой потаенной двери, черезъ которую можно было бы уйти, или нельзя ли выпрыгнуть въ окно, ставни котораго были закрыты по его приказанію. Оказалось, что окно было съ наружною желѣзною рѣшеткою, и это повергло его въ величайшее уны-

ніе. При малѣйшемъ шумѣ онъ вздрагивалъ, и измѣнялся въ лицѣ. Послѣ обѣда, мы оставили его одного, и заглядывая по временамъ въ комнату, всегда находили его въ слезахъ. Въ трактирѣ собралось между тѣмъ множество народа; большею частью то были жители Эса, подозрѣвавшіе, что наше продолжительное здѣсь пребываніе имѣетъ связь съ присутствіемъ Наполеона. Мы старались увѣрить ихъ, что онъ уѣхалъ впередъ; но они не вѣрили, говорили, что не хотятъ ему дѣлать зла, а желаютъ только посмотрѣть, какъ подѣйствовало на него несчастіе, и въ крайнемъ случаѣ выскажутъ ему нѣсколько упрековъ или правду, которую онъ рѣдко слышалъ. Мы успѣли отклонить ихъ отъ этого намѣренія. Наконецъ, адъютантъ Графа Шувалова сказалъ, что народъ, собравшійся на улицѣ, почти разошелся. Императоръ рѣшился ѣхать въ полночь.

По излишней предосторожности, онъ принялъ новыя мѣры, чтобы не быть узнаннымъ. Онъ упросилъ адъютанта Графа Шувалова надѣть синій сертукъ и круглую шляпу, въ которыхъ пріѣхалъ въ трактиръ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ опасности, адъютантъ подвергся оскорбленію или даже смерти, вмѣсто его. Самъ же Бонапарте, желая выдать себя за Австрійскаго полковника, надѣлъ мундиръ Генерала Коллера, возложилъ на себя его орденъ Маріи-Терезіи, у меня взялъ фуражку, а у Графа Шувалова шинель. Адъютантъ Графа Шувалова занялъ мѣсто Наполеона въ его каретѣ, а самъ Наполеонъ сѣлъ съ Коллеромъ въ коляску. Такъ проѣхали мы мимо изумленной толпы, старавшейся узнать, кто изъ насъ «тиранъ», какъ называла она Бонапарте. Всюду встрѣчали мы сборища, которыя, привѣтствуя насъ единодушными восклицаніями, въ то

же время осыпали ругательствами Наполеона. Хотя опасности не было, однако Императоръ не выходилъ изъ коляски Австрійскаго генерала, и даже приказалъ кучеру курить, чтобы такою фамиліярностью скрыть свое присутствіе. Онъ просилъ также Генерала Коллера пѣть, и когда генералъ отговорился неумѣньемъ, то предложилъ ему свистѣть. Такъ продолжалъ Наполеонъ Бонапарте свой путь, забившись въ уголъ коляски, притворяясь спящимъ, убаюкиваемый пріятною музыкою генерала и окуриваемый ѳиміамомъ кучера.....»

Вотъ любопытныя и малоизвѣстныя, но совершенно достовѣрныя подробности, заключающіяся въ донесеніи Графа Вальдбурга-Трухсесса. При малыхъ переѣздахъ, путешествіе продолжалось съ недѣлю, и въ теченіе этого времени, великій человѣкъ, ставшій вдругъ столь малымъ, разыгрывалъ передъ коммиссарами своею свитою настоящую ко-

медію. Такъ ли поступали, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, Цесарь, Карлъ XII, Фридрихъ Великій и многіе другіе великіе люди, съ которыми его часто сравнивали, но отъ которыхъ, въ этомъ случаѣ, его отдѣляетъ неизмѣримое пространство!

Не доѣзжая Фрежюса, поѣздъ встрѣтилъ сестру Наполеона, Принцессу Боргезе, которая ничего не знала о событіяхъ, низвергнувшихъ съ столь высокой степени ея родню. Когда ей разсказали о несчастіяхъ и униженіяхъ, претерпѣнныхъ ея братомъ, она воскликнула нѣсколько разъ: «Не можетъ быть; онъ бы умеръ!» Увидѣвъ брата, она упала въ обморокъ, и сама едва не умерла.

Наконецъ, Наполеонъ достигъ Фрежюса, той самой гавани, въ которой за четырнадцать лѣтъ вышелъ на берегъ для ниспроверженія директоріяльнаго правленія. Онъ былъ очень недоволенъ, не найдя здѣсь Французскаго брига,

обѣщаннаго ему Фонтенблоскимъ договоромъ, и, по предложенію Британскаго коммиссара, 28-го Апрѣля отплылъ на свой островъ на Англійскомъ фрегатѣ, со всею свитою и Генералами Бертраномъ и Друо. Четыреста человѣкъ гвардіи, подъ командою Генерала Канбронна, отправились въ Ливорно сухимъ путемъ. 4-го Мая вышелъ онъ въ Порто-Феррайо, главномъ городѣ острова Эльбы, былъ встрѣченъ губернаторомъ и другими чиновниками, и съ торжествомъ введенъ въ ратушу.

Все населеніе острова не превышало тысячи двухъ сотъ душъ, на пространствѣ тридцати квадратныхъ миль. Островъ изобиловалъ плодами, виноградниками и роскошною растительностью; жители вели дѣятельную торговлю; рудники приносили пятьсотъ тысячъ франковъ дохода. Наполеонъ тотчасъ спросилъ, принадлежитъ ли ему этотъ доходъ, и получивъ въ отвѣтъ, что онъ

самъ подарилъ его капитулу Почетнаго Легіона, сказалъ: «О чемъ же я думалъ, раздавая все свое имущество?» Спустя два дня, онъ объѣхалъ верхомъ свое владѣніе. Это былъ родъ военной рекогносцировки. Замѣтивъ островокъ, покинутый изъ опасенія варварійскихъ корсаровъ, онъ приказалъ занять его отрядомъ въ тридцать человѣкъ, и замѣтилъ при этомъ: «Парижане скажутъ, что я опять пустился на завоеванія.» Островъ Эльба дѣйствительно былъ хорошо обороненъ; въ фортахъ его Наполеонъ нашелъ, къ своему удовольствію, триста орудій, и въ минуту откровенности сказалъ однажды Австрійскому коммиссару: «Теперь я никого не боюсь; мнѣ есть чѣмъ обороняться.» Кромѣ того онъ помышлялъ о наборѣ солдатъ, о постройкѣ другихъ укрѣпленій и проведеніи дорогъ. Вообще онъ могъ бы жить здѣсь счастливо, если бы миръ и спокойствіе были въ его душѣ. Его

мать, сестра Полина и почти всѣ родные попеременно навѣщали его, и онъ скоро вступилъ въ сношенія съ Неаполитанскимъ Дворомъ. Одна Полька, женщина рѣдкой красоты, съ которою онъ познакомился въ Варшавѣ въ 1807 г., также пріѣхала къ нему съ семилѣтнимъ сыномъ; но Наполеонъ тщательно скрывалъ ихъ, все еще надѣясь видѣть у себя Марію-Луизу, разумѣется не по влеченію нѣжной привязанности, но по политическимъ разсчетамъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ перваго же дня водворенія своего на островѣ, Наполеонъ началъ помышлять о возвращеніи во Францію. Съ этою цѣлью имѣлъ онъ постоянныя сношенія съ Парижемъ и съ начальниками арміи, которые почти всѣ остались тѣ же, да и самая армія, еще не распущенная, сохранила прежній образъ мыслей, слѣдовательно непріязненный возстановленію Бурбоновъ. 26-го Февраля 1815

года отплылъ онъ съ своею небольшою арміею на флотиліи, состоявшей изъ брига и еще шести малыхъ судовъ, на которыхъ находилось всего тысяча сто человѣкъ, и 1-го Марта вышелъ на берегъ, въ небольшомъ портѣ Каннъ (Cannes), недалеко отъ Фрежюса. Первый отрядъ королевскихъ войскъ, встрѣченный Наполеономъ черезъ недѣлю по высадкѣ на берегъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гренобля, былъ баталіонъ пѣхоты, командиръ котораго, чуждый всѣхъ заговоровъ, рѣшился исполнить свой долгъ. Судьба смѣлаго предпріятія зависѣла теперь отъ перваго ружейнаго выстрѣла. Наполеонъ зналъ это, и въ своемъ опасномъ положеніи обнаружилъ столько же мужества, сколько присутствія духа. Когда баталіонъ приготовился къ сопротивленію, онъ подошелъ къ солдатамъ, и, раскрывъ свою грудь, вскричалъ: «Стрѣляй тотъ, кто рѣшится убить своего Императо-

ра!» Солдаты опустили ружья, и съ радостными восклицаніями окружили Наполеона. Вскорѣ потомъ явился съ своимъ полкомъ Полковникъ Лабедойеръ, давно участвовавшій въ заговорѣ; крестьяне также приставали толпами, увлекаясь возмутительными прокламаціями; наконецъ и всѣ войска, посланныя Лудовикомъ XVIII, приняли сторону Наполеона. Послѣ торжественнаго вступленія въ Гренобль и Ліонъ, онъ явился въ Парижѣ (20-го Марта), и вечеромъ въ девять часовъ, почти одинъ прошелъ окольными улицами въ Тюліерійскій Дворецъ, гдѣ былъ принятъ только военными. Они едва не задушили его въ объятіяхъ, схватили на руки, и понесли во внутреннія комнаты. Всю ночь раздавались крики радости!

Лудовикъ XVIII, узнавъ объ измѣнѣ войскъ и генераловъ и о быстромъ движеніи Наполеона къ Парижу, удалился сначала въ Лилль, потомъ въ Гентъ.

Наполеонъ, безъ кровопролитія, овладѣлъ государствомъ.

Но торжество его было непродолжительно. Монархи, находившіеся на Вѣнскомъ конгрессѣ, обнародовали манифестъ, въ которомъ изъяснили, что Наполеонъ, какъ нарушитель Фонтенблоскаго трактата, самъ поставилъ себя внѣ законовъ гражданскихъ и общественныхъ, что съ нимъ не можетъ быть заключено ни мира, ни перемирія. Четыре великія державы возобновили Шомонскій договоръ, и обязались до тѣхъ поръ не слагать оружія, пока не лишатъ его возможности возмущать на будущее время спокойствіе Европы.

Наполеонъ двинулъ свою главную армію, снова принявшую названіе «великой», и состоявшую изъ ста тридцати тысячъ отборныхъ войскъ, къ Бельгійской границѣ, гдѣ находились Англичане и Пруссаки, подъ начальствомъ Блюхера и Веллингтона. Всѣ колонны,

тайно выступившія изъ различныхъ мѣстъ, явились вдругъ на берегахъ Самбры, 14-го и 15-го Іюня. Англійскія и Прусскія войска вовсе не ожидали столь близкой аттаки; Блюхеръ стоялъ съ своей главной квартирой въ Намюрѣ, а Веллингтонъ въ Брюсселѣ, гдѣ получилъ первое извѣстіе о вторженіи непріятеля на балѣ, вечеромъ 15-го числа. Онъ тотчасъ же выступилъ съ войсками, которыя имѣлъ подъ рукою, на разсвѣтѣ достигъ Катръ-Бра, и былъ здѣсь аттакованъ сорока-тысячнымъ корпусомъ Нея. Это было лѣвое крыло Наполеоновой арміи; центръ и правое крыло шли между тѣмъ на Пруссаковъ, стоявшихъ при селеніяхъ Линьи и Сентъ-Аманъ. Наполеонъ, раздѣливъ такимъ образомъ обѣ непріятельскія арміи, былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ, надѣясь разбить ихъ порознь, потому что точно такимъ же маневромъ одерживалъ прежде свои знаменитѣйшія побѣды. Но время гро-

мовыхъ ударовъ (coups de tonnerre) прошло, и теперь онъ имѣлъ дѣло не съ Маккомъ и не съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ. Старый Блюхеръ, застигнутый врасплохъ на контониръ-квартирахъ, собралъ въ нѣсколько часовъ свои войска, и превосходно согласовалъ свои дѣйствія съ дѣйствіями Веллингтона. 16-го Іюля, въ три часа пополудни, девяносто тысячь Французовъ съ остервенѣніемъ бросились на Пруссаковъ, но встрѣтили сильнѣйшій отпоръ. Всѣ позиціи, и особенно деревня Линьи, неоднократно переходили изъ рукъ въ руки; при одной изъ ожесточенныхъ аттакъ, Блюхеръ упалъ подъ свою убитую лошадь, и два раза Французская кавалерія проскакала по немъ. Принужденный уступить натиску Французовъ, онъ отступилъ въ порядкѣ на Жамблу, потомъ на Вавръ. Наполеонъ, съ своей стороны, овладѣвъ полемъ битвы, и полагая все дѣло конченнымъ, послалъ

за Блюхеромъ только тридцать пять тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Груши, а самъ съ остальными войсками явился, 17-го числа вечеромъ, передъ грозною позиціею при Ватерлоо, которую Веллингтонъ занялъ наканунѣ съ девяностотысячною арміею; одна половина ея состояла изъ Англичанъ, другая изъ Бельгійцевъ и Голландцевъ.

Наполеону была необходима быстрая, рѣшительная побѣда; войска его также чувствовали необходимость побѣдить, и, вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, были въ томъ увѣрены. Всю ночь несчастные Французскіе солдаты, безъ палатокъ, безъ всякаго покрова, и большею частью безъ пищи, стояли подъ проливнымъ дождемъ, но съ радостью ждали боя. На утро, пѣхота вязла по колѣно въ грязи, кавалерія и артиллерія едва двигались, и только часовъ въ десять колонны могли развернуться въ виду непріятеля, расположившагося амфитеа-

тромъ на обширномъ возвышеніи. Зрѣлище было прекрасное и величественное: Наполеонъ объѣзжалъ ряды, привѣтствуемый радостными криками.... Аттаку началъ Іеронимъ, командовавшій лѣвымъ крыломъ Французовъ; но самая жаркая битва загорѣлась въ центрѣ: здѣсь обѣ стороны оспаривали побѣду съ величайшимъ упорствомъ. Послѣ пушечной и ружейной пальбы, продолжавшейся нѣсколько часовъ безъ рѣшительныхъ послѣдствій, происходили убійственныя кавалерійскія аттаки, въ которыхъ погибъ почти весь кирасирскій корпусъ, удивлявшій собою Европу. Гвардейскіе конные гренадеры и драгуны, послѣдній резервъ Наполеона, испытали ту же участь. Когда Наполеонъ замѣтилъ перевѣсъ Англичанъ, то рѣшился на послѣднее усиліе: онъ сошелъ съ высотъ Сентъ-Аліанса, откуда наблюдалъ за сраженіемъ, самъ построилъ въ аттакующія колонны, подъ

начальствомъ Маршала Нея, всѣ баталіоны своей гвардіи, и оставивъ для собственной безопасности только четыре баталіона, ободрилъ войска краткою рѣчью. Они бросились на позицію Веллингтона, но осыпанныя градомъ пуль и картечи, принуждены были отступить съ величайшимъ урономъ и въ совершенномъ безпорядкѣ. Въ эту ужасную для Французовъ минуту Блюхеръ, опередившій цѣлымъ днемъ Маршала Груши, явился на полѣ сраженія съ свѣжими войсками, и тотчасъ же ввелъ ихъ въ дѣло.... Тогда Французская пѣхота, не слушая голоса начальниковъ, смѣшалась въ нестройныя толпы, и обратилась въ бѣгство. Даже въ старой гвардіи (*) самъ Наполеонъ не могъ

(*) Говорили, что Генералъ Канброннъ, командовавшій гвардіею, отвѣчалъ тѣмъ, которые убѣждали его сдаться: La garde meurt et ne se rend pas (т. е. гвардія уми-

возстановить порядка, и, убѣдившись, что все потеряно, думалъ только о собственномъ спасеніи. Опасаясь больше всего попасть въ руки Пруссаковъ, онъ бѣжалъ почти одинъ, бросивъ свои экипажи, свиту и всю свою армію. Блюхеръ преслѣдовалъ Французовъ съ необыкновеннымъ упорствомъ.

Такъ кончилась страшная Ватерлооская битва, которую Наполеонъ началъ съ полною надеждою на побѣду. Она была для него и для Франціи тѣмъ же, чѣмъ была битва при Замѣ для Аннибала, однимъ изъ тѣхъ событій, которыя производятъ переворотъ въ судьбѣ народа. По обыкновенію, Наполеонъ сложилъ всю вину на своихъ генераловъ, и преимущественно на Груши.

раетъ, но не сдается); однако, самъ онъ въ послѣдствіи объявилъ, что не давалъ такого отвѣта, впрочемъ весьма правдоподобнаго, по его мнѣнію, въ устахъ кого нибудь другаго.

Пріѣхавъ въ Парижъ почью на 20-е Іюня, онъ поспѣшилъ собрать своихъ преданнѣйшихъ друзей и братьевъ, которыхъ военныя событія заставили искать убѣжища во Франціи. Только одинъ Луціанъ явился добровольно. Какъ герой событій, происходившихъ въ Сенъ-Клу (1799), онъ совѣтовалъ брату прибѣгнуть, для поддержанія власти, къ силѣ, если не помогутъ убѣжденія. Но времена измѣнились. Хотя Наполеонъ и объявилъ о распущеніи палатъ, однако палаты, по предложенію престарѣлаго Лафайета, снова ставшаго представителемъ народа, объявили о своей неприкосновенности, а всякую попытку распустить ихъ — государственною измѣною. Наполеонъ отказался отъ престола въ пользу своего сына.

Между тѣмъ Блюхеръ явился въ виду Парижа (29-го Іюня), и вскорѣ заключена была (3-го Іюля) капитуляція, на основаніи которой Французское вой-

ско обѣщало очистить столицу въ продолженіе трехъ дней, а въ недѣльный срокъ удалиться за Луару. 7-го Іюля, Блюхеръ и Веллингтонъ вступили въ Парижъ. На другой день, Лудовикъ XVIII снова занялъ престолъ своихъ предковъ.

Наполеонъ, жившій до тѣхъ поръ въ Мальмезонѣ, подъ надзоромъ Генерала Беккера, поспѣшилъ, въ сопровожденіи Савари, Гурго, Бертрана и Ласъ-Казеса, въ Рошфоръ, откуда думалъ отплыть въ Америку; но море уже было покрыто Англійскими кораблями. Нѣкоторые Американскіе и Датскіе негоціянты вызывались перевезти его, мимо крейсеровъ, на берега Америки или Даніи, и то же самое предлагали ему гардемарины Французскаго флота: они хотѣли ускользнуть отъ бдительности Англичанъ на рыбачьей лодкѣ. Наполеонъ, вѣроятно изъ недовѣрчивости, не принялъ сихъ предложеній; онъ поручилъ

Ласъ-Казесу и Савари просить у командира одного изъ Англійскихъ судовъ позволенія отправиться на нейтральномъ кораблѣ въ Американскіе Штаты или въ Англію, гдѣ хотѣлъ жить частнымъ человѣкомъ, если ему поручатся за его свободу. Капитанъ корабля Беллерофонъ, къ которому обратились Ласъ-Казесъ и Савари, отвѣчалъ касательно отплытія въ Америку, что ему приказано останавливать и осматривать всѣ суда, выходящія въ море, но что онъ готовъ принять Наполеона на свой корабль, и перевезти въ Англію, не зная однако, какъ его тамъ примутъ. Медлить было нельзя: опасаясь попасть къ роялистамъ, или сдѣлаться жертвою какого нибудь заговора, Наполеонъ рѣшился написать слѣдующее письмо къ Принцу-Регенту Англіи:

«Ваше Королевское Высочество. Преслѣдуемый партіями, волнующими мою страну, и враждою сильнѣйшихъ Евро-

пейскихъ Державъ, я кончилъ мое политическое поприще, и, подобно Ѳемистоклу, намѣренъ удалиться къ Британскому народу. Отдаюсь подъ защиту его законовъ, и прошу ея у Вашего Королевскаго Высочества, какъ у могущественнѣйшаго, непоколебимѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ моихъ враговъ.»

Хотя на это письмо не послѣдовало отвѣта, однако, 15-го Іюля, Наполеонъ отправился на Беллерофонъ, и всходя на него, сказалъ: «Отдаюсь подъ защиту Англійскихъ законовъ.» Противные вѣтры задержали этотъ корабль нѣсколько дней у береговъ Франціи, и только 24-го Іюля онъ бросилъ якорь на Плимотскомъ рейдѣ.

—

IX.

ОТПЛЫТІЕ НАПОЛЕОНА НА ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ. — ЛОНГВУДЪ. — СИРЪ ГУДСОНЪ-ЛОУ. — РАЗЛИЧНЫЕ ПЛАНЫ КЪ ОСВОБОЖДЕНІЮ НАПОЛЕОНА. — МѢРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, ПРИНЯТЫЯ ГУБЕРНАТОРОМЪ ОСТРОВА. — ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА-УЗНИКА. — РЕЛИГІОЗНАЯ НАСТРОЕННОСТЬ ЕГО МЫСЛЕЙ. — РАЗГОВОРЪ ЕГО СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ БЕРТРАНОМЪ О БОГѢ. — ПРИЗНАКИ СМЕРТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ. — КОМЕТА. — ПРИГОТОВЛЕНІЯ НАПОЛЕОНА КЪ СМЕРТИ. — ПЯТОЕ МАЯ (НОВАГО СТИЛЯ). — МОГИЛА ПОДЪ ДВУМЯ ПЛАКУЧИМИ ИВАМИ.

Такъ какъ журналы возвѣстили о прибытіи Наполеопа, то на Плимотскомъ рейдѣ собралось безчисленное множество любопытныхъ, лодки которыхъ

столпились около Беллерофона. Всѣмъ хотѣлось взглянуть на падшаго Императора, и когда онъ выходилъ на палубу, многіе снимали шляпу, и привѣтствовали его. Наполеонъ ласково кланялся толпѣ, и, казалось, былъ доволенъ ея участіемъ, потому что всегда являлся на палубѣ въ извѣстные часы. Это было послѣднее прощаніе его съ Европою. Наконецъ, 30-го Іюля, Адмиралъ Кейтъ, сопровождаемый государственнымъ секретаремъ, объявилъ ему послѣднее рѣшеніе Британскаго Министерства. Оно состояло въ слѣдующемъ: «Не согласно съ выгодами ни Англіи, ни нашихъ союзниковъ, чтобы Генералъ Бонапарте могъ снова наруінить миръ на твердой землѣ. Мѣстопребываніемъ ему избранъ островъ Св. Елены. Климатъ тамъ здоровый, и мѣстное положеніе позволитъ оказывать ему на этомъ островѣ большую снисходительность, нежели гдѣ нибудь, по тѣмъ необходи-

мымъ предосторожностямъ, которыя падлежало бы употреблять для наблюденія за нимъ....»

Этотъ приговоръ былъ для Наполеона громовымъ ударомъ; казалось, онъ хотѣлъ лучше умереть, нежели подчиниться ему. «Быть сосланнымъ, сказалъ онъ, на всю жизнь на пустынный островъ, между тропиками! Отказаться отъ сообщеній съ міромъ.... Это хуже клѣтки Тамерлана!...» Наполеонъ вручилъ адмиралу протестъ, въ которомъ объяснялъ, что сдался добровольно, и что, слѣдовательно, не можетъ быть почитаемъ военно-плѣннымъ. Все было тщетно. Надлежало перейти на другой корабль; Нортумберлендъ, вмѣстѣ съ двумя фрегатами порученный начальству Адмирала Кокборна. Съ этою-то эскадрою, имѣвшею необходимое для гарнизона острова число войскъ, оставилъ Наполеонъ Европу.

Адмиралъ вручилъ Наполеону копію

съ инструкцій, на основаніи которыхъ «Генералъ Бонапарте» обязывался выдать свое оружіе, бриллiанты, деньги и всѣ дорогія вещи, чтобы такимъ образомъ не имѣть ни какихъ средствъ къ побѣгу. За всякую попытку къ побѣгу ему угрожали тюрьмою, а тотъ, кто вздумалъ бы содѣйствовать ему въ этомъ случаѣ, подвергался, по приговору парламента, смертной казни. Монтолонъ, Ласъ-Казесъ, Бертранъ и Гурго получили позволеніе сопровождать знаменитаго узника, а супругамъ Бертрана и Монтолона съ дѣтьми позволялось слѣдовать за мужьями. Тѣмъ же самымъ могъ воспользоваться и сынъ Ласъ-Казеса. Исключены были только Савари и Лаллеманъ. Кромѣ того, Наполеонъ могъ взять съ собою двѣнадцать человѣкъ прислуги, между прочимъ и камердинера Маршана, который издалъ въ послѣдствіи записки.

Эскадра снялась съ якоря 10-го Авгу-

ста. Первое время Бонапарте былъ скученъ и говорилъ только съ своими товарищами заключенія. Слова, сказанныя имъ Гурго, весьма замѣчательны: даже въ эту минуту онъ помышлялъ еще объ основаніи государствъ. «Лучше было бы, если бъ я не уѣзжалъ изъ Египта; я могъ бы тамъ держаться.... Аравія ждетъ завоевателя! Я овладѣлъ бы Индіей; я господствовалъ бы надъ Востокомъ....» 15-го Августа, въ день его имянинъ, его вѣрные друзья явились къ нему съ поздравленіями. «Какая разница, сказалъ онъ имъ, съ тѣмъ, что мы видѣли!» Да, за три года, онъ шелъ на Москву, въ главѣ могущественнѣйшей арміи; спустя годъ онъ былъ въ Дрезденѣ, все еще сильнѣйшимъ монархомъ въ Европѣ; на слѣдующій годъ онъ былъ на островѣ Эльбѣ, подъ прекраснымъ небомъ, окруженный родными, имѣлъ все, чтобъ быть счастливымъ и покойнымъ!... Но счастіе и

миръ были ему чужды; онъ не былъ рожденъ и для надѣленія ими другихъ. Ему опять хотѣлось выступить на поприще революцій и войнъ, опять жить въ своей стихіи. А теперь? Теперь онъ былъ подъ начальствомъ Англійскаго адмирала, который называлъ его «генераломъ», который, приглашая его къ своему столу, не давалъ ему перваго мѣста, и не снималъ въ его присутствіи шляпы!... Впрочемъ, Адмиралъ Кокборнъ былъ человѣкъ учтивый и даже любезный, но дѣйствовалъ согласно даннымъ ему инструкціямъ.

Какъ бы то ни было, Наполеонъ сначала очень обижался такимъ неуваженіемъ; но потомъ покорился своей участи. Плаваніе продолжалось два мѣсяца и пять дней, и только 15-го Октября эскадра показалась въ виду острова Св. Елены. Грустно и долго смотрѣлъ въ подзорную трубу падшій Императоръ на островъ, почти необитаемый, покры-

тый мрачными утесами, и на лицѣ его отражались всѣ тяжкія ощущенія души.... Черезъ два дня узника высадили на берегъ; но какъ къ принятію его еще ничего не было приготовлено, то его помѣстили въ одномъ изъ домовъ городка Джемсъ-Тоунъ, въ которомъ сосредоточивалось почти все населеніе. На другой день, Наполеонъ поѣхалъ съ адмираломъ-губернаторомъ взглянуть на Лонгвудъ, опустѣлый домъ, стоявшій на самой возвышенной части острова. Адмиралъ призналъ его наиболѣе удобнымъ для жительства плѣнника, особенно по причинѣ отдаленности его отъ моря. Надлежало произвести въ этомъ скромномъ помѣщеніи необходимѣйшія поправки, и Наполеонъ, не желая возвращаться въ Джемсъ-Тоунъ, поселился покамѣстъ въ отдѣльномъ павиліонѣ дачи, называемой «Терновникъ.» Онъ имѣлъ здѣсь одну комнату, въ которой обѣдалъ, спалъ и трудился цѣ-

лый день надъ составленіемъ своихъ записокъ, вмѣстѣ съ Ласъ-Казесомъ и его сыномъ, которые помѣщались на верху, на чердакѣ. Три мѣсяца прожилъ онъ въ совершенномъ уединеніи, видясь только съ семействомъ хозяина, двѣ маленькія дочери котораго, довольно хорошо говорившія по-Французски, повидимому занимали его. Иногда онъ вмѣшивался въ ихъ игры, и даже игралъ съ ними въ жмурки.

Когда работы въ Лонгвудѣ были кончены, Наполеонъ переѣхалъ туда съ своими спутниками, но и здѣсь нашелъ помѣщеніе тѣснымъ и неудобнымъ (*). Мѣстъ для прогулки не было, и всѣ виды ограничивались безплодными ска-

(*) Въ послѣдствіи изъ Англіи присланы были матеріялы для постройки новаго дома; но когда домъ выстроили недалеко отъ Лонгвуда, Наполеонъ не захотѣлъ перейти въ него.

лами, да безпредѣльнымъ горизонтомъ моря. Вскорѣ узнику запрещено было выходить за извѣстные предѣлы, или, въ противномъ случаѣ, за нимъ слѣдовалъ Англійскій офицеръ. Чтобы уклониться отъ столь унизительной мѣры, Наполеонъ не пускался на дальнія прогулки, что было одною изъ главныхъ причинъ разстройства его здоровья. Человѣкъ, который прежде того проѣзжалъ въ день десятки миль, теперь принужденъ былъ ходить лишь нѣсколько минутъ въ тѣсномъ, обнаженномъ саду, и что всего мучительнѣе, подъ надзоромъ часовыхъ, стоявшихъ у всѣхъ выходовъ, въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Послѣ солнечнаго заката они сближались еще болѣе. Кромѣ того, Наполеону было запрещено получать письма мимо губернатора, имѣть сношенія съ жителями; онъ не могъ даже издержать ни гроша, потому что Англійское Правительство

признало нужнымъ, въ отвращеніе побѣга, отобрать у него милліонъ золотомъ, который онъ имѣлъ при себѣ, и не допускать до него ни какой суммы безъ разрѣшенія губернатора. И всѣмъ этимъ строгимъ мѣрамъ предосторожности былъ подвергнутъ тотъ, кто еще недавно господствовалъ надъ большею половиною Европы, и не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія!...

Въ исходѣ перваго года Адмиралъ Кокборнъ былъ смѣненъ Сиромъ Гудсономъ Лоу, человѣкомъ весьма суровымъ. Назначеніе новаго губернатора основывалось на обстоятельствахъ, о которыхъ публика тогда ничего не знала. До Англійскаго министерства дошли свѣдѣнія о тайныхъ сношеніяхъ плѣннаго Императора съ твердою землею, и особенно съ Франціею, гдѣ онъ имѣлъ приверженцевъ. Много составляемо было плановъ къ его побѣгу. Такъ, находившійся въ Америкѣ Пол-

*

ковникъ Латапи думалъ похитить узника силою, съ флотомъ пиратовъ и Французскихъ выходцевъ. Говорили еще объ одномъ изъ отважнѣйшихъ Англійскихъ контрабандистовъ, Джонстонѣ, бѣжавшемъ изъ Ньюгета; онъ вызывался похитить и привезти въ Англію Наполеона, а потомъ рѣшился опять поставить въ главѣ враговъ своего отечества. Исполненіе подобныхъ замысловъ было чрезвычайно трудно и опасно, и едва ли Бонапарте захотѣлъ бы отдаться слѣпо своимъ освободителямъ. Дѣло въ томъ, что новый губернаторъ получилъ весьма строгія инструкціи. Пространство, опредѣленное для прогулокъ Наполеона, было стѣснено еще болѣе; всякое сообщеніе, всякая переписка запрещена, какъ на островѣ, такъ и съ твердою землею; его не выпускали даже изъ вида, и два раза въ день караульный офицеръ входилъ въ его комнату, чтобы убѣдиться въ его присут-

ствіи. Эта послѣдняя строгость наиболѣе оскорбляла знаменитаго узника. Онъ формально протестовалъ противъ нея, и грозился застрѣлить изъ пистолета перваго, кто войдетъ къ нему безъ позволенія. Но какъ Гудсону Лоу приказано было имѣть къ Бонапарте нѣкоторое снисхожденіе, то караульный офицеръ ждалъ, когда арестантъ выходилъ на прогулку или показывался у окна, и такимъ образомъ убѣждался въ его присутствіи.

Еще другія обстоятельства отравляли въ это время жизнь Наполеона. Возникли сильныя распри между товарищами его изгнанія, которые, послѣдовавъ за нимъ по различнымъ побужденіямъ, должны были скоро соскучиться на печальномъ островѣ. Прежде всѣхъ удалился въ Европу Ласъ-Казесъ; за нимъ Генералъ Гурго; потомъ Г-жа Монтолонъ; наконецъ докторъ О'Мире, Англичанинъ, заслужившій довѣренность

Наполеона, былъ принужденъ оставить островъ по приказанію губернатора, за то, что позволялъ узнику употреблять его имя въ тайной перепискѣ. Генералъ Бертранъ, вмѣстѣ съ докторомъ Антомарки, мучили Наполеона религіозными преніями, и только въ Генералѣ Монтолонѣ, да въ камердинерѣ Маршанѣ находилъ онъ друзей, неизмѣнно преданныхъ и вѣрныхъ.

Гудсонъ Лоу часто приглашалъ «Генерала Бонапарте» на празднества, которыя давалъ въ честь его; но Наполеонъ никогда не являлся, потому ли что въ приглашеніи не было титула Императора, или изъ ненависти къ губернатору. Кромѣ того, онъ постоянно уклонялся отъ тѣхъ немногихъ лицъ между жителями острова, сообщество которыхъ хотя сколько нибудь могло развлечь его, равно какъ отъ офицеровъ гарнизона и отъ коммиссаровъ Русска-

го, Австрійскаго и Французскаго (*), которые, согласно даннымъ имъ инструкціямъ, готовы были оказывать ему уваженіе. Лишь изрѣдка принималъ онъ путешественниковъ, между прочимъ Лорда Амерста, возвращавшагося изъ посольства въ Китай, и ученаго капитана Галля (Hall), который былъ въ восторгѣ отъ его бесѣды, и особенно отъ его изумительной памяти. Наполеонъ, въ свою очередь, былъ пораженъ, узнавъ отъ капитана о недавно открытомъ островѣ, жители котораго не знали употребленія монеты, не знали ни какого оружія и никогда не вели войны... Послѣднее казалось Наполеону совершенно невѣроятнымъ.

Жизнь велъ онъ самую однообразную. Между немногими товарищами его заключенія не было людей съ

(*) Пруссія не назначила отъ себя повѣреннаго на островъ Св. Елены.

высшимъ образованіемъ, не было даже человѣка, обладавшаго въ высокой степени искусствомъ той увлекательной бесѣды, которою Наполеонъ такъ часто наслаждался съ Гумбольдтомъ, Денономъ, Прадтомъ, которую онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ наслажденіямъ, и которая на пустынномъ островѣ была бы для него отраднымъ развлеченіемъ. Ограниченный тѣснымъ кругомъ слушателей, но сохранивъ привычку къ представленію предметовъ въ превратномъ видѣ, ту самую привычку, которою было ознаменовано время его величайшихъ торжествъ, онъ сочинялъ апологіи для своего малочисленнаго общества, какъ нѣкогда сочинялъ бюллетени для великой арміи. Въ этомъ состояло все его провожденіе времяни, вся его отрада. Едва ли, впрочемъ, самъ онъ придавалъ своимъ словамъ особенную важность; но его слушатели, всегда исполненные удивленія къ идолу,

записывали его разглагольствія, не обращая вниманія на противорѣчія, съ благоговѣйною довѣрчивостію, а потомъ прибавляли къ нимъ, смотря по времени и лицамъ, такія подробности, которыя поставятъ въ тупикъ не одного историка.

Въ исходѣ 1818 г. здоровье Наполеона стало разрушаться. Частыя рвоты, опухоль ногъ и другіе зловѣщіе признаки заставили врачей совѣтовать ему большее движеніе; но онъ объявилъ, что не станетъ дѣлать движенія до тѣхъ поръ, покамѣстъ на пути его прогулокъ будутъ поставлены часовые. Притомъ, со времени отъѣзда О'Мире, онъ не хотѣлъ слѣдовать ни одному предписанію врачей, и, по недовѣрчивости или изъ упрямства, не слушался врачей Англійскихъ. Докторъ Антомарки, приглашенный изъ Италіи на мѣсто О'Мире, никогда не пользовался тѣмъ довѣріемъ, какое питалъ Наполеонъ къ

его предмѣстнику. Въ добавокъ, Наполеонъ мало вѣрилъ въ медицину. Онъ былъ, какъ извѣстно, фаталистъ, что весьма удивительно въ человѣкѣ, который всегда господствовалъ надъ фортуною и гордился ея благоволеніемъ. Когда ему стали совѣтовать лечиться, онъ сказалъ, взглянувъ на небо: «Чему быть, то написано тамъ; наши дни сочтены....» Въ это же время, Наполеонъ, какъ и большая часть людей, которые, ведя бурную жизнь, не могли углубляться въ самихъ себя, сталъ помышлять о другой жизни. «Я не безбожникъ, не философъ, сказалъ онъ однажды, и вѣрю въ бытіе Бога;» потомъ, поднявъ глаза къ небу, прибавилъ: «Кто сотворилъ все это?...» Съ самаго прибытія своего на островъ, онъ жаловался, что не было тамъ ни церкви, ни священника. «Меня мучитъ здѣсь, говорилъ онъ, что я не слышу благовѣста и ѣмъ хлѣбъ съ плѣсенью.» Наконецъ

Кардиналъ Фешъ, находившійся въ Римѣ, отправилъ, съ позволенія Папы, на островъ Св. Елены двухъ священниковъ. Они прибыли туда 21-го Сент. 1819 г на одномъ кораблѣ съ докторомъ Антомарки, и съ тѣхъ поръ въ Лонгвудѣ служили ежедневно обѣдню и исполнялись всѣ религіозные обряды. Это обстоятельство замѣчательно въ человѣкѣ, который съ ожесточеніемъ гналъ Папу и вообще никогда не обнаруживалъ особенной набожности. Но теперь онъ искренно раскаивался, и съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о добродѣтеляхъ Пія VII, котораго называлъ «агнцемъ». Въ бесѣдахъ его съ Генераломъ Бертраномъ о религіи, есть мысли замѣчательныя и глубокія.

Генералъ Бертранъ спросилъ у него однажды съ явною недовѣрчивостью: «Что такое Богъ? Видѣли ли вы его?» — А вотъ я сейчасъ скажу вамъ, отвѣчалъ Наполеонъ. По какимъ при-

знакамъ судите вы, что въ человѣкѣ есть генiй? Развѣ генiй предметъ видимый? Что же заставляетъ васъ вѣрить въ него? На полѣ битвы, въ рѣшительную минуту, когда вы имѣли надобность въ быстромъ маневрѣ, въ генiяльномъ соображенiи, не вы ли первый искали меня голосомъ и взглядомъ? Зачѣмъ отвсюду раздавались крики: гдѣ Императоръ? Что значили эти крики, если не инстинктъ, не довѣренность къ моему генiю? — Мои побѣды заставляли васъ вѣрить въ меня, а вселенная заставляетъ меня вѣрить въ Бога.... Чудесныя дѣйствiя божественнаго всемогущества гораздо красноречивѣе моихъ побѣдъ. Что значитъ лучшiй маневръ въ сравненiи съ движенiемъ небесныхъ свѣтилъ?...»

Между тѣмъ недугъ быстро усиливался, а Наполеонъ упорно отвергалъ всѣ пособiя медицины, особенно отъ врачей, которыхъ присылалъ къ нему

губернаторъ. Уже подъ конецъ согласился онъ допустить къ себѣ Арнота, полковаго врача. Хотя консиліумы составлялись неоднократно, но они были заочные, да притомъ никто изъ врачей и не понималъ болѣзни знаменитаго паціента. Одинъ прописывалъ меркурій, другой слабительное, третій, вмѣсто спокойствія, совѣтовалъ чрезмѣрное движеніе отъ нарыва или раны въ желудкѣ, или строжайшую діету. Самъ больной одинъ понималъ свой недугъ, говоря, что онъ страдаетъ тѣмъ же, отъ чего умеръ и отецъ его — именно ракомъ въ желудкѣ. «Здѣсь, здѣсь», сказалъ онъ однажды Антомарки, приложивъ его руку къ своему желудку: «они вонзили сюда ножъ, и переломили остріе въ ранѣ....»

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1821 г. Наполеонъ, убѣжденный въ близости смерти, занялся своимъ духовнымъ завѣщаніемъ. Эта работа сильно уто-

мляла его, и онъ нѣсколько разъ принимался за нее. Взявъ у Генерала Бертрана первое духовное завѣщаніе, онъ вручилъ новое камердинеру Маршану, и обязалъ его уничтожить первое, что и было исполнено вѣрнымъ слугою въ точности. Полагаютъ, что во второмъ завѣщаніи измѣнены были многія статьи относительно Бертрана, такъ какъ Наполеонъ съ нѣкотораго времени былъ недоволенъ этимъ генераломъ.

Когда одинъ служитель объявилъ, что ночью показалась на Востокѣ комета, знаменитый узникъ воскликнулъ съ живостью: «Комета! Она была предвѣстницею смерти Цесаря!...» Однако, новый Цесарь приготовлялся къ смерти иначе, нежели герой-язычникъ. 27-го Апрѣля, докт. Арнотъ окончательно убѣдился въ симптомахъ недуга, отъ котораго отецъ Бонапарте умеръ подъ прекраснымъ небомъ Монпеліе. Тогда больной передалъ доктору Анто-

марки самыя положительныя инструкціи касательно вскрытія своего тѣла. «Я требую, сказалъ онъ ему, чтобъ вы одни вскрывали мое тѣло; я не хочу, чтобы кто нибудь изъ Англійскихъ врачей прикасался къ моему трупу; но если вы увидите необходимость въ пособіи, въ такомъ случаѣ приглаеите доктора Арнота.» Въ особенности просилъ онъ Антомарки тщательно изслѣдовать желудокъ, отправить описаніе этого изслѣдованія къ сыну, чтобы предохранить юнаго принца отъ наслѣдственной болѣзни, а сердце отослать къ Маріи-Луизѣ. Съ этой поры, онъ помышлялъ только объ исполненіи религіозныхъ обязанностей, и аббатъ Виніяли (*) ни

(*) Старшій священникъ, аббатъ Бонавито, имѣвшій отъ роду болѣе 80 лѣтъ, возвратился въ Европу, не будучи въ состояніи выносить климата острова Са. Елены.

на минуту не отлучался отъ него. Въ ночи съ 29-го на 30-е Апрѣля, онъ смиренно исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ, принялъ Святое Миропомазаніе, и все время до утра провелъ въ молитвахъ. «Я счастливъ, генералъ, сказалъ онъ на другой день Монтолону; я исполнилъ всѣ мои обязанности; желаю и вамъ вкусить передъ смертію такое же счастіе. Мнѣ это было необходимо; я Италіянецъ, Корсиканскій простолюдинъ. Звонъ колоколовъ трогаетъ меня, видъ священника доставляетъ мнѣ удовольствіе.»

Вспоминая въ свѣтлыя минуты о томъ, что было сдѣлано имъ для религіи, Наполеонъ сказалъ однажды: «Я имѣлъ намѣреніе соединить всѣ Христіанскія вѣроисповѣданія; но злополучіе постигло меня слишкомъ скоро.... По крайней мѣрѣ, я возстановилъ во Франціи религію. Это такая услуга, послѣдствія которой неисчислимы: что было

бы съ людьми безъ религіи?.. » Потомъ прибавилъ: «Въ смерти нѣтъ ничего страшнаго; въ эти три недѣли она не отходила отъ моего изголовья, а теперь готова навсегда овладѣть мною. Желалъ бы я увидѣть жену и сына; но, да будетъ воля Божія!»

3-го Мая Наполеонъ причастился во второй разъ, и, простившись съ своими генералами, произнесъ слѣдующія слова: «Я примирился съ родомъ человѣческимъ, и, сложивъ руки, сказалъ: «Господи!...»

Послѣднія слова, имъ произнесенныя, были: голова, армія (tête, armée) — доказательство, что и въ минуту переселенія въ другой міръ, онъ воображеніемъ носился еще на полѣ битвы.

Онъ скончался 5-го Мая (н. ст.), въ шесть часовъ вечера.

Наканунѣ страшная буря вырвала около Лонгвуда нѣсколько деревъ съ корнемъ. Англичане сказали, что это со-

бытіе представило новую черту сходства между исторіею Кромвеля и Наполеона....

Согласно послѣдней волѣ покойнаго, докторъ Антомарки хотѣлъ немедленно приступить ко вскрытію тѣла, безъ содѣйствія Англичанъ; но Гудсонъ-Лоу формально воспротивился этому: онъ приказалъ собраться на другой день всѣмъ врачамъ, находившимся на островѣ. Ихъ нашлось только четыре. Вскрытіе тѣла происходило въ присутствіи Генераловъ Бертрана и Монтолона, нѣсколькихъ Англійскихъ офицеровъ и камердинера Маршана. Причина смерти была видна съ перваго взгляда. Широкая язва покрывала почти весь желудокъ. Соприкосновеніе пораженной части съ печенью продлило нѣсколькими мѣсяцами жизнь больнаго, удерживая пищу. Излеченіе было невозможно. Всѣ присутствовавшіе врачи подписали составленный на мѣстѣ журналъ, за из-

ключеніемъ Антомарки, который, не соглашаясь съ мнѣніемъ своихъ собратовъ, изложилъ свое мнѣніе отдѣльно. Несправедливо полагали, будто Антомарки упоминалъ въ своей бумагѣ объ отравленіи; онъ утверждалъ только, что причиною смерти былъ не ракъ въ желудкѣ, но хроническое воспаленіе печени, болѣзнь, которая, какъ онъ думалъ, господствовала на островѣ Св. Елены эндемически. Гудсонъ-Лоу не позволилъ приближеннымъ покойника взять его сердце, но приказалъ заключить его въ спиртъ и положить въ гробъ, вмѣстѣ съ желудкомъ, который Антомарки хотѣлъ удержать при себѣ. Два дня лежало тѣло на парадной постели. Наполеонъ былъ одѣтъ въ зеленый фракъ со всѣми орденами, но безъ Императорской короны, которая, если бы и отыскалась на островѣ, не могла бы быть положена безъ разрѣшенія губернатора. Всѣ жители колоніи стекались

*

поклониться усопшему; даже Англійскія войска, находившіяся на островѣ, явились въ полной формѣ, но безъ оружія, отдать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ исполина, котораго, за нѣсколько часовъ, они стерегли. Всякій солдатъ благоговѣйно подходилъ къ постели, и становился на колѣни. Многіе цѣловали полу покрова. Сиръ Гудсонъ-Лоу хотѣлъ воспротивиться этому; но полковникъ 20-го полка отвѣчалъ: «Наполеонъ умеръ; законъ исключенія болѣе не существуетъ. Я имѣю право вести свой полкъ куда хочу.» — Примѣру 20-го полка послѣдовали всѣ сухопутныя и морскія войска.

Наполеонъ самъ указалъ мѣсто своей могилы, если тѣло его останется на островѣ: оно находилось близъ ключа, подъ тѣнію двухъ плакучихъ ивъ, гдѣ узникъ часто сиживалъ. Въ продолженіе трехъ дней сто работниковъ рыли могилу въ каменистомъ грунтѣ. 9-го

Мая тѣло было отвезено туда со всею торжественностью, какая только могла существовать въ этомъ отдаленномъ уголкѣ земли. Графы Бертранъ и Монтолонъ поддерживали балдахинъ. Адмиралъ, губернаторъ, коммиссары Русскій и Французскій, всѣ должностныя лица колоніи и три тысячи войска составляли печальное шествіе, за которымъ слѣдовала также Графиня Бертранъ съ дочерью и всѣ служители. Аббатъ Виньяли прочиталъ обычныя молитвы; нѣсколько артиллерійскихъ залповъ грянули въ ту минуту, когда гробъ опустили въ могилу, и тотчасъ же наваленъ былъ на нее огромный камень....

—

X.

ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ. — ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ НАПОЛЕОНА. — ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ НАПОЛЕОНА. — ПЕРЕВОРОТЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ИМЪ ВЪ ВОЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. — МНѢНІЕ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ МАРШАЛА СЕНЪ-СИРА. — ОТВРАЩЕНІЕ НАПОЛЕОНА КЪ РЕВОЛЮЦІИ И РЕВОЛЮЦІОНЕРАМЪ. — СЛОВА, СКАЗАННЫЯ ИМЪ НАДЪ МОГИЛОЮ ЖАНЪ-ЖАКА РУССО. — БЫЛЪ ЛИ НАПОЛЕОНЪ НАБОЖЕНЪ. — НАРУЖНОСТЬ НАПОЛЕОНОВА. — МАЛЕНЬКАЯ ШЛЯПА И СѢРЫЙ СЕРТУКЪ. — ОБРАЗЪ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА. — ЛЮБОВЬ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ. — САМОУВѢРЕННОСТЬ И НЕПРЕКЛОННОСТЬ ВОЛИ. — УСЛУГИ ОКАЗАННЫЯ НАПОЛЕОНОМЪ ФРАНЦІИ.

—

Спустя двадцать лѣтъ, могила Наполеонова была разрыта, и смертные останки его, какъ онъ желалъ, перевезены на берега Сены

Въ 1840 г., въ Министерство Тіера, Англійское Правительство согласилось на выдачу праха Наполеона. Фрегатъ, подъ командою Принца Жуанвильскаго, отплылъ къ острову Св. Елены, и гробъ, привезенный въ Парижъ, былъ выставленъ торжественно, 15-го Декабря 1840 г., въ церкви Дома Инвалидовъ, гдѣ потомъ его опустили въ великолѣпную могилу.

Нѣкоторыя статьи духовнаго Наполеонова завѣщанія, наполненнаго большею частью распредѣленіемъ денежныхъ суммъ и вещей, обнаруживаютъ и характеръ великаго человѣка. Въ нихъ отражаются его хорошія и дурныя качества. Прощая всѣмъ неблагодарнымъ и вѣроломнымъ, онъ не забываетъ однако и своей вражды. Такъ, нѣкто Кантиліонъ долженъ былъ получить по одной статьѣ завѣщанія 10,000 франковъ, за что? за то, что хотѣлъ убить Веллингтона.... Многіе другіе

фвкты помрачаютъ славное имя героя, свидѣтельствуя о его неумолимой зависти. Довольно вспомнить о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ Пишгрю и Моро. Его полководцы, первые товарищи его тріумфовъ, не разъ имѣли причину жаловаться на несправедливости, истекавшія, конечно, изъ того же источника. Наполеонъ Бонапарте никогда не прощалъ сыну Келлермана, достославнаго участія его въ Маренгской битвѣ, ни участія Даву въ сраженіи при Іенѣ или Ауэрштедтѣ. Массена, его учитель и образецъ, Массена, котораго онъ справедливо и, быть можетъ, по убѣжденію называлъ «любимымъ дѣтищемъ побѣды,» болѣе, нежели кто нибудь, былъ предметомъ его зависти (*). Его тще-

(*) Массена, охотясь однажды съ Наполеономъ и Бертіе въ Рамбуліе, былъ раненъ дробиною въ глазъ. Наполеонъ тотчасъ воскликнулъ, что выстрѣлъ сдѣ-

славіе и притязанія усиливались по мѣрѣ того, какъ онъ возвышался Тогда онъ уже не могъ терпѣть возлѣ себя соперниковъ, и одобрялъ только собственныя распоряженія «Тамъ, гдѣ нѣтъ меня, говаривалъ онъ, дѣлаютъ только глупости.» Въ собственныхъ промахахъ онъ никогда не сознавался, но выдумывалъ, для прикрытія ихъ, какую нибудь басню, какой нибудь лжи-

---

ланъ Бертіе; но этому не повѣрилъ никто изъ присутствовавшихъ, и самъ Бертіе сильно протестовалъ противъ такого обвиненія. Массена, съ своей стороны, прямо обвинилъ Наполеона въ неловкости. На другой день Наполеонъ прислалъ къ нему своего хирурга Ларрея съ весьма ласковымъ письмомъ и съ назначеніемъ командующимъ Португальскою арміею. Это ни сколько не утѣшило маршала въ потери глаза, и до послѣднихъ минутъ онъ говорилъ, что «маленькій Корсиканецъ хотѣлъ его извести.»

вый разсказъ, и не отставалъ отъ этой привычки до послѣднихъ минутъ. Товарищи его изгнанія, вѣрившіе ему на слово, перенесли все это въ свои записки, и крайне затруднили бы своими разсказами потомство, если бы въ нихъ не было очевидныхъ неправдоподобностей и противорѣчій. Мѣсто, занимаемое Наполеономъ въ исторіи, такъ велико, подвиги его такъ блистательны, что нѣтъ и не было ни какой надобности прибѣгать, для возвышенія ихъ, къ вымысламъ.

Если результаты его дѣлъ были непрочны, если они не имѣли на судьбу народовъ продолжительнаго вліянія, то все же нельзя не удивляться его энергіи, его безпримѣрной дѣятельности, которая вдругъ поставила его въ первый разрядъ воиновъ, въ такую эпоху, когда вся Европа была занята войною, когда многіе полководцы заслуживали безсмертную славу. Въ военной наукѣ,

Наполеонъ произвелъ совершенный переворотъ, и его первые подвиги возбуждали удивленіе гораздо прежде, нежели были постигнуты вполнѣ. Впрочемъ, самъ онъ, говоритъ Маршалъ Сенъ-Сиръ, пренебрегалъ военнымъ искусствомъ и правилами, оправданными опытомъ, считалъ ихъ годными для пособія одной посредственности. Онъ вѣрилъ больше вдохновенію своего генія и своему счастію, чѣмъ пособію искусства, которое имѣетъ свои границы, и которое не могло довести его до предположенной имъ цѣли. Вѣрованіе въ фатализмъ утверждало его въ этой мысли; онъ никогда не разставался съ нею. Онъ убѣдилъ самого себя, что былъ человѣкомъ судьбы, которому предназначено господствовать надъ міромъ для возрожденія мира. Онъ предпочиталъ оборонительнымъ правиламъ военнаго искусства правила завоевателей.

Борьба съ Россіею сокрушила колос-

сальное могущество, основанное Наполеономъ въ столь короткое время. Въ Московскомъ Кремлѣ судьба его уже была рѣшена. Конечно, необозримая монархія его, если бы онъ и не предпринималъ похода въ Россію, могла существовать только при его жизни; но, вѣроятно, Франція осталась бы послѣ его смерти болѣе могущественною державою, нежели какою она явилась послѣ Вѣнскаго конгресса. Заслуга Наполеона относительно Франціи состоитъ въ томъ, что онъ основалъ въ ней правленіе прочное и правильное, и совершенно обезопасилъ ее отъ революціонныхъ потрясеній. Непримиримую ненависть и отвращеніе питалъ онъ къ революціи и ея виновникамъ, хотя самъ былъ порожденіемъ, слѣдствіемъ революціи, и безъ нея остался бы вѣроятно неизвѣстнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Гуляя однажды, въ 1802 году, по Эрменонвильскому Саду съ де-Жи-

рарденомъ, онъ остановился передъ могилою Жанъ-Жака Руссо, и сказалъ: «Для спокойствія Франціи лучше было бы, если бъ этотъ человѣкъ никогда не существовалъ; онъ приготовилъ революцію... »—Мнѣ кажется, отвѣчалъ де Жирарденъ, что вамъ нечего на это жаловаться.—«Ну, такъ будущее покажетъ, не лучше ли было бы, для спокойствія земли, чтобъ ни Руссо, ни я никогда не существовали!» возразилъ Наполеонъ. Это было сказано въ первыя времена консульства.

Внуку Неккера онъ сказалъ однажды: «Вашъ дѣдъ погубилъ Лудовика XVI, и мать ваша хотѣла поступить такимъ же образомъ; но я не потерпѣлъ бы этого....» Здѣсь разгадка того ожесточенія, съ которымъ Наполеонъ преслѣдовалъ автора Коринны. И ежели далеко было отъ времени, когда Неккеръ былъ министромъ Лудовика XVI, до эпохи, когда царствовалъ Наполе-

онъ, то еще большее разстояніе отдѣляло робкаго, миролюбиваго наслѣдника Лудовика XIV отъ того, кто называлъ себя его преемникомъ. Одинъ имѣлъ все, что доводитъ до власти во времена волненій, другой обладалъ всѣми добродѣтелями. Обширнѣйшіе замыслы, жажда дѣятельности, гордость въ побѣдѣ, все способствовало къ тому, чтобы сдѣлать изъ Наполеона первообразъ завоевателя. Подобные люди или оканчиваютъ свое поприще катастрофою, или достигаютъ высочайшей степени человѣческаго могущества.

Воспитанный въ правилахъ религіи, онъ никогда не забывалъ ихъ совершенно. Въ эпоху величайшаго могущества, онъ сознавался не разъ, что счастливѣйшимъ днемъ въ его жизни былъ день перваго его причащенія; что ему всегда будетъ памятна соборная церковь въ Аяччіо, гдѣ онъ съ вѣрою и благоговѣніемъ повергался передъ Бо-

гомъ. Если, посреди военныхъ и политическихъ тревогъ, онъ рѣдко исполнялъ обязанности религіи, то, по крайней мѣрѣ, уважалъ ее, покровительствовалъ ей, даже преслѣдуя Папу, и никогда не посягалъ ни на богохульства, ни па нелѣпыя отрицанія религіозныхъ истиннъ революціонной партіи. На островѣ Св. Елены, онъ искренно возвратился къ правиламъ своего первоначальнаго воспитанія: это служило ему утѣшеніемъ въ послѣднія минуты.

Наполеонъ Бонапарте былъ небольшаго роста. Худощавый въ молодости, онъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи значительную дородность. Характеристическое лице его отличалось благородствомъ, и особенно было хорошо для скульптора. Красивыми руками онъ нерѣдко щеголялъ.

Требуя роскоши отъ всѣхъ окружавшихъ его, самъ онъ одѣвался просто. По словамъ его камердинера, онъ съ

трудомъ рѣшался надѣть новое платье, и часто на другой день опять принимался за старое. Съ своею маленькою шляпою и сѣрымъ сертукомъ онъ соединялъ, повидимому, какую-то суевѣрную идею. Его костюмъ, его осанка были такъ замѣчательны, что и теперь еще съ перваго взгляда всякъ узнаетъ его на малѣйшихъ картинкахъ или гравюрахъ.

Замѣчательно, что въ первые годы жизни, Наполеонъ не обнаруживалъ такихъ умственныхъ способностей, которыя заставляли бы предугадывать его высокое назначеніе. Воспитанный въ лучшихъ школахъ Франціи, онъ никогда не былъ первымъ по классу, и въ немъ замѣтили сначала лишь немного наклонности къ математикѣ. Все, что онъ написалъ, отъ поступленія своего на службу до генеральскаго чина, въ литературномъ отношеніи отличается крайнею посредственностью. Уже въ по-

слѣдствіи умственныя способности его получили обширное развитіе.

Какъ всѣ люди, занятые важными дѣлами, и безпрестанно тревожимые, Наполеонъ спалъ мало, легко, почти по произволу просыпался, и требовалъ отъ своей прислуги такой же дѣятельности. Въ пищѣ онъ былъ умѣренъ, сидѣлъ за столомъ лишь нѣсколько минутъ, и поэтому могъ удѣлять много времени работѣ. Кроткій и снисходительный, онъ былъ очень любимъ своею прислугою и всѣми, которые имѣли къ нему дружескій доступъ. Необыкновенно любезный и обязательный съ тѣми, которыхъ хотѣлъ очаровать собою, охотно предаваясь откровенной бесѣдѣ и сильнымъ выходкамъ, онъ никогда не терялъ изъ виду того, что могъ извлечь изъ каждаго человѣка, изъ каждаго предмета. Гнѣвъ и милость почти всегда были у него разсчитаны. Онъ любилъ женщинъ больше, нежели какъ

думали; но велъ эти дѣла съ величайшею осторожностью, безъ огласки. Долѣе и нѣжнѣе всѣхъ любилъ онъ Жозефину; но не допускалъ и ее до вліянія на свою политику.

Никто не обладалъ въ высшей степени искусствомъ дѣйствовать на массы и одушевлять ихъ. Онъ былъ боготворимъ солдатами, даже въ дни самыхъ тяжкихъ невзгодъ. Вѣрованіе въ фатализмъ усиливало непреклонность его воли, а могучая воля, обширный умъ, всеобнимавшій, дѣятельность, отъ которой ничто не укрывалось, какъ бы превращали въ ничто всѣхъ людей, его окружавшихъ. Не имѣя возможности дѣлать все самъ, онъ хотѣлъ, чтобы по крайней мѣрѣ публика почитала его способнымъ ко всему, и по этой-то причинѣ, въ день обнародованія знаменитыхъ Берлинскихъ декретовъ о континентальной системѣ, писалъ къ своему министру внутреннихъ дѣлъ, что

нѣкоторые стихи новой оперы показались ему плохими. И въ ту минуту, когда замышлялъ о разрушеніи Кремля, онъ посылалъ изъ Москвы указъ о театрахъ.... Однако, ни одинъ генералъ, ни одинъ начальникъ не смѣли предпринять что либо безъ его воли, во всемъ полагались на своего повелителя.

Хотя, какъ законодатель или основатель государства, Наполеонъ не стоитъ выше воина, однако надобно сознаться, что его воинскіе подвиги не имѣли полезныхъ результатовъ, тогда какъ многія основы его монархическаго зданія существуютъ до сихъ поръ, и долго оказывали благотворное вліяніе на Францію. Его своды законовъ, за составленіемъ которыхъ онъ самъ наблюдалъ, суть образцы ясности, единства; они упростили въ высокой степени изученіе и примѣненіе законовъ, и даже народы, нынѣ отдѣленные отъ Франціи, пожелали удержать ихъ. По-

томство долго будетъ признательно къ этому благодѣянію: одно оно перенесетъ имя Наполеона въ отдаленнѣйшіе вѣки. Учрежденіе Почетнаго Легіона совершенно соотвѣтствовало характеру Французовъ, и было весьма полезно не только для основателя, но и для послѣдующихъ правительствъ. Вѣрна и велика по своей простотѣ была мысль соединить въ одно сословіе знаменитости политическія, военныя и всѣхъ, которые служили государству или прославили себя на какомъ бы то ни было поприщѣ. Наполеонъ учредилъ и Университетъ, но если то не было идеею первоначальною, и если онъ не удержался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ учрежденъ, то все же и эта мысль была многозначительна. Но для полнаго осуществленія ея у основателя не достало времени.

. . . .

Таковъ былъ человѣкъ, колоссаль-

ный образъ котораго господствуетъ надъ современною исторіею.

Для насъ, Русскихъ, съ именемъ этого исполина соединены безсмертныя воспоминанія....

. . . . Онъ Русскому Народу
Высокій жребій указалъ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-й ЧАСТИ.

—